

АНДРЕЙ ЕРПЫЛЕВ

**РАСКОЛОТЫЕ
НЕБЕСА**

Зазеркальная империя

Андрей Ерпылев

Расколотые небеса

«Автор»

2008

Ерпылев А. Ю.

Расколотые небеса / А. Ю. Ерпылев — «Автор»,
2008 — (Зазеркальная империя)

Близнецы Бежецкие снова в бою, и для них совсем не важно, где проходит линия фронта: по Дворцовой площади, или по ледяным просторам далекого иномирья, или по морским волнам. Ведь для русского офицера главное – верность своей Родине и решимость защитить ее, пусть даже ценой жизни. И нет разницы, какого цвета их мундиры или погоны, когда за спиной – Россия. Империя превыше всего!

© Ерпылев А. Ю., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	12
3	18
4	26
5	32
6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Ерпылев

Расколотые небеса

Часть первая

Ворота в никуда

1

Очередной холостяцкий вечер приближался к закономерному своему завершению.

Стрелки настенных часов ползли к одиннадцати, но Александр упрямо пялил глаза в экран телевизора, пытаясь уловить нить сюжета в сериале, начало которого терялось в глубоком прошлом, а конца даже не предвиделось. Удовольствия попытки актеров сыграть «настоящую жизнь» ему не приносили, но еще меньше хотелось вылезать из удобного кресла, плестись в спальню, расправлять постель... Имелась, конечно, альтернатива – прикорнуть тут же, на диване в гостиной, не раздеваясь. Но даже представить себе, сколько усилий придется приложить утром, чтобы стереть с помятой физиономии следы «спартанского» отдыха, было невыносимо. Более мягкий вариант – задремать в кресле будто бы ненароком, случайно – тоже не сулил ничего хорошего.

«Стареешь, брат... – пожурил себя Александр Павлович, беря со столика бокал с совсем степлившимся слабоалкогольным пивом и делая крошечный брезгливый глоток. – Да и в самом деле – сороковник позади...»

Увы, не в одном возрасте или полном отсутствии семейной жизни было дело: сотрудник КСТ Воинов не видел впереди никаких перспектив, и жизнь катилась будто бы под горку – без особенных затруднений и проблем, но и без каких-либо радостей или ожиданий.

То ли дело раньше, когда он носил совсем другую фамилию, которую уже не то чтобы стал забывать, но и не воспринимал уже полностью своей, законной. Но все было в прошлом... Да и контора, где он теперь служил, звалась Комиссией по Сопредельным Территориям лишь среди своих, посвященных, а во всех официальных реестрах значилась безлико и сухо: капитально-строительным товариществом «Альтернатива».

Пожаловаться Александру, собственно говоря, было не на что – сотрудники его уважали, начальство в лице Маргариты фон Штайнберг не слишком зажимало... Да что там! Владимир третьей степени за десант в «Ледяной мир» (правда, без мечей), повышение до начальника пусть и небольшого, но отдела со своим штатом и определенной свободой действий... Более того: сама «железная леди», как прозвал ее про себя Воинов – той самой настоящей «железной леди»¹ в этом мире так и не появилось, – мало-помалу оттаивала к нему, иногда, забывшись, называла Сашей... Порой он даже ловил на себе ее странный взгляд, впрочем, тут же отводящий в сторону. Словом, обычная жизнь обычного служащего, правда, в не совсем обычной организации, занимающейся не совсем обычными делами.

Внезапно обстановка комнаты, понемногу заволакивающейся предсонным флером, обрела для Александра глубину и четкость: внизу экрана бежала бесконечная строка, появление которой никогда не предвещало ничего хорошего. Он напряг зрение...

«Уважаемые господа телезрители! Мы вынуждены прервать наши передачи...»

¹ «Железная леди» – прозвище, которое Маргарет Тэтчер, в 1979–1990 годах премьер-министр Великобритании, заслужила за жесткие и решительные действия во время англо-аргентинского вооруженного конфликта из-за Фолклендских островов в 1982 году.

«Что там еще стряслось?..»

Едва Воинов успел подумать об этом, как полусонная толкотня сериальных персонажей сменилась заставкой теленовостей, с полыхающей поперек синего фона алой надписью: «Экстренный выпуск».

– Уважаемые господа телезрители! – начал, скорбно поджав губы, телекомментатор Ивицкий, как известно, по пустякам не разменивающийся и ведущий на «Петергоф-ТВ» лишь часовую воскресную передачу «Вехи». – Мы вынуждены прервать наши передачи для важного сообщения. Сегодня, в двадцать часов тридцать восемь минут по петербургскому времени...

«Что?! – едва не заорал Александр в экран. – Не тяни ты!..»

– ... в окрестностях Самары потерпел катастрофу самолет с несколькими десятками пассажиров на борту. Согласно данным, которыми наша телекомпания располагает на данную минуту, выживших в крушении нет. В настоящее время выясняется тип самолета, номер рейса и количество жертв. Государь поставлен в известность и уже распорядился о создании специальной комиссии...

«Как это – „выясняется тип самолета, номер рейса“?» – опешил Воинов, хватая со столика пульт, чтобы переключиться на скандальный «СТВ», в подавляющем большинстве слушаев более информированный, чем его рафинированные и благонадежные коллеги-соперники.

– ...сообщают, что, скорее всего, это был «Святогор», двигавшийся в направлении «восток – запад», – затараторил носатый молодой человек с жуликоватыми глазами, держащий микрофон словно малыш мороженое. – Как нам удалось узнать...

Увы, ни всезнающий «СТВ», ни десяток других каналов, тоже обсасывающих на все лады сенсационную катастрофу, ничего более конкретного к информации, озвученной «Петергофом», добавить не могли.

Александр приглушил звук телевизора, снова вернувшегося к нескончаемому сериалу после пятнадцатиминутного перерыва, и прошелся по комнате.

«Святогор» – последняя модель авиалайнера, сошедшая со стапелей концерна Сикорского, миниатюрностью отнюдь не отличалась. Насколько Воинов знал, две пассажирские палубы этого воздушного левиафана вмещали до семисот человек, не считая членов экипажа. И кроме того, абы кто «Святогорами» не летал – билет на него стоил почти в два раза дороже, чем на обычный лайнер. Ведь кроме небывалого для авиации комфорта инженеры концерна гарантировали стопроцентную надежность самолета, оснащенного не просто по последнему слову техники, но по последнему слову завтрашней техники.

«Залезть, что ли, в Сеть? – подумал мужчина, нерешительно останавливаясь возле информа, который иногда, забываясь, называл про себя малоупотребимым здесь словом „компьютер“. – Так ведь вряд ли в широком доступе что-нибудь пристойное, кроме всякого ерничанья будет. Информагентства сейчас новость переваривают, репортеров к месту аварии шлют, а власти все по привычке стараются спустить на тормозах...»

В закрытую часть Сети без особенной надобности лезть не хотелось: не слишком там приветствовалось пустое любопытство, даже со стороны коллег. Того и гляди, угодишь в «черный список», после чего начнутся всякие проблемы с получением уже совершенно необходимой информации. А ничем, кроме праздного любопытства, интерес Воинова к посторонней для его ведомства катастрофе не выглядел.

«Черт с ним! – решительно махнул он рукой на подробности аварии „Святогора“, намекаясь снова расположиться в кресле и довести вечер до конца с максимальным комфортом – тем более что на спутниковом „Ретро-Синема“ через десять минут начиналась старенькая, много раз виденная комедия, до боли напоминавшая „Бриллиантовую руку“ – с учетом местных реалий сорокалетней давности. – Завтра узнаю все, и, может быть, даже немножко больше...»

Но, как известно, благими намерениями черти мостят дорогу в ад. Зря он помянул Нечистого на ночь глядя, даже мысленно. Ведь всем известно, что стоит о нем лишь вспомнить – он тут как тут...

Враг рода человеческого на этот раз выбрал облик более экстравагантный, чем у известного всем черного пуделя. Он обратился телефоном... Тьфу, поминальником.

– Воинов, – поднес аппарат к уху Александр, убедившись, что «поминают» его с одного из служебных номеров «родной» конторы, хотя и без конкретики.

– Добрый вечер, Александр Павлович, – раздался в динамике знакомый волнующий голос. – Не спите?

– Вечер добрый, – автоматически поздоровался Воинов, хотя общался с начальницей всего лишь несколько часов назад. – Сплю.

Соврал он чисто автоматически, по устоявшейся еще в годы службы привычке: к чему являть начальству свою готовность к подвигам без особенной на то нужды?

– Врете, Александр Павлович, – хмыкнула трубка. – Вы забыли, что я слишком хорошо знаю ваше, так сказать, «альтер эго». А вот оно-то, то есть он, раньше двенадцати ложится крайне редко. Разве только если смертельно устал. Но вас-то я, думаю, сегодня не слишком утомила, а?

Разговор получался настолько двусмысленным, что Александру до смерти хотелось ляпнуть какую-нибудь грубость или спохлечь чисто по-солдатски, а то и просто нажать клавишу отбоя.

«Что, другого времени не нашла, старая нимфоманка, чтобы со мной флиртовать? – с неожиданной для себя злостью подумал он. – Или близнецу не до нее, вот и...»

– Однако, господин Воинов, я беспокою вас в такой час вовсе не ради пустой болтовни, – построжал голос в динамике, и подчиненный в сотый раз подивился умению начальницы если и не читать мысли собеседника, то схватывать его эмоциональное состояние. – Вы уже видели по телевизору сюжет о сегодняшней катастрофе?

Александр тоже подобрался: что ни говори, а интуиция у него пока еще функционировала исправно – подсознание выхватило нестыковку в сообщении неспроста.

– Так точно, – ответил он.

– Браво, – без выражения отозвалась Маргарита. – Узнаю военную школу. Славно, что вы, в отличие от прочих сотрудников, все еще чувствуете себя военным человеком.

– Я и есть военный человек, – возразил Воинов.

– Не сомневалась ни минуты... Потому и позвонила вам последним, – в голосе начальницы мелькнула саркастическая нотка. – Поскольку вы-то способны собраться быстрее всех... Не спрашиваете куда?

– Полагаю, в окрестности Самары, – вернул сарказм Александр.

– В таком случае будьте готовы через пятнадцать минут спуститься вниз – вас будет ждать авто. Прошу не брать много вещей – ситуация категории «А».

Не прощаясь, баронесса фон Штайнберг отключилась.

«Вот стерва! – в сердцах думал мужчина, быстро одеваясь, беря приготовленный давным-давно „тревожный чемоданчик“, отключая свет и газ... – Вот что значит не мужик! Нет, чтобы скомандовать кратко и емко... А не рассусоливать добрых пять минут, политесы разводить...»

Ровно четырнадцать минут спустя офицер вышел из дверей подъезда к поджидавшей его «конторской» машине с густо затененными стеклами – к точности он был приучен давно.

С тех еще пор, как звался Александром Бежецким...

* * *

– Как вы думаете, к-к-коллега, – осведомился профессор Логерфельд, склоняясь к уху соседа, сидящего в кресле с закрытыми глазами. – Хотя в этот р-р-раз нам не придется прыгать с парашютом?

Александр про себя улыбнулся, вспомнив, как полгода назад всей «гоп-компании», как он называл свой отдел, пришлось десантироваться в одном из труднодоступных районов Тянь-Шаня, чтобы проверить информацию об одной из «аномалий», кстати, впоследствии так и не подтвердившуюся. Одному Богу было известно, сколько сил и нервов тогда пришлось потратить бывшему десантнику, чтобы в двухдневный срок обучить ученых совершенно непостижимой для их высоких умов премудрости. И, к слову сказать, не без успеха – операция прошла хотя и не без сучка, без задоринки, но без сломанных рук, ног и тем более – шей. За что «инструктор» получил от непосредственного начальства устную благодарность, в «конторе» ценившуюся даже выше какой-либо материальной награды.

– Успокойтесь, Карл Готлибович, – совершенно серьезно ответил он ученому. – Не знаю, как там задумали наверху, – он ткнул пальцем в мелко вибрирующий потолок пассажирско-грузового отсека, – но я такой информацией не располагаю. Да и парашютов, как видите, не припасено.

– С них станется выбросить нас и без парашютов, – проворчал с соседнего ряда приват-доцент Казанского университета Смоляченко. – Из соображений секретности... Вы умеете летать, коллега? – не очень галантно ткнул он локтем в бок сладко дремавшего на его плече соседа Никиту Михайловича.

– А? Что? – подхватился тот, спросонья яростно протирая почему-то не глаза, а очки. – Мы падаем?

– Побойтесь Бога! – возопил кто-то невидимый из-за груды багажа, разделяющего пары кресел. – Прекратите свои шуточки! И так страшно лететь после этого «Святогора»...

– Господа! – раздался голос академика Мендельсона, имевшего среди ученой братии, составлявшей костяк отдела, гораздо больший авторитет, чем «господин Воинов». – Время ночное, многие спят – нас всех повыдергивали из постелей, как вы знаете. Осталось лететь меньше часа – может быть, побережете свой азарт для предстоящей работы? Александр Павлович! Почему вы молчите?

– Я думаю, Дмитрий Михайлович, вашего слова будет достаточно, – улыбнулся Александр.

И в самом деле – возникшая было перепалка улеглась мгновенно. Если с начальником номинальным еще было можно спорить (да что там «можно» – принято!), то корпоративная солидарность срабатывала лучше любой субординации.

«Дети. Сущие дети... – подумал офицер, поудобнее устроиваясь в кресле и снова закрывая глаза. – Прямо пионерлагерь какой-то...»

* * *

– Вы действительно считаете, что иного выхода нет? – академик Новоархангельский не знал, куда девать руки, и то комкал в руках край накомарника, то пытался стряхнуть несуществующую пылинку с камуфляжного плеча Бежецкого. – Может быть, все-таки подождать выздоровления Федорова?..

Александр, облаченный в штурмовой костюм высшей защиты, больше всего сейчас хотелось бы оказаться где-нибудь в ином месте. Например – по ту сторону «ворот», где, по последним замерам, условия были более чем комфортными – всего лишь минус пятнадцать

при относительном безветрии. Какие-то десять метров в секунду во внимание принимать, право, не стоило. Тут же, на тридцатиградусной жаре, да еще под постоянными атаками неистребимого таежного гнуса несладко было и в обычной одежде, а в тяжеленном «Горыныче», специально модернизированном конторскими умельцами для условий повышенной радиации, – подавно.

«Еще минута, и я тут расплаволюсь, – думал офицер, чувствуя, как щекотные струйки скатываются по спине, несмотря на специальное „непотеющее“ белье, позаимствованное у космонавтов. – Или огонь начну изрыгать, почище того самого Горыныча... Как бы не просквозило на ветерке после такой сауны...»

Конечно же, идти в первый десант на неизведанные земли ему было совсем не обязательно. Более того, как начальнику экспедиции – невозможно. Но что делать, если командир десантников два дня назад растянул связку на ноге, прыгая с удочкой по скользким камням на берегу так и оставшейся безымянной «хариусной» речушки? Что с того, что напарником его по той памятной рыбалке был господин Воинов? Не на веревке же туда тянули спецназовца? Он же и в самом деле без ума от рыбной ловли...

И уж совсем ерундой были неудобства по сравнению с той бурей, которую обрушила на голову подчиненного баронесса. Не имей Александр за плечами закалки Советской армии с ее врожденным и классово-правильным презрением к политесам – впору было вынимать из кобуры табельный «вальтер» и ставить точку. Но тот многоэтажный мат и угрозы, которые Бежецкий переслушал от начальства с курсантских до майорских погон «по ту сторону», ни в какое сравнение не шли со здешними разносами, никогда не переходящими рамок «приличного» общества. Так – легкая взбучка сорванцу-сыну от любящей мамыши. «Мать-командирша» могла вогнать провинившегося в землю по уши и не прибегая к ненормативной лексике.

Настораживало лишь то, как легко Маргарита согласилась на замену выбывшего из строя «спеца» его, Александра, дубленой шкурой...

– Увы, Агафангел Феодосиевич, – несколько неуклюже развел он руками, затянутыми в прорезиненную ткань и скованными мощными углепластовыми наплечниками, налокотниками и прочими накладками, которым позавидовал бы любой средневековый рыцарь. – Вы же в курсе, что в семи из десяти выходов автоматы возвращаются с девственно-чистой памятью, а в трех – вообще не возвращаются.

– Да, синдром форматирования пока не преодолен... – пробормотал академик, безуспешно пытаясь сколупнуть ногтем одну из декоративных, на взгляд Бежецкого, деталюшек «скафандра».

– И вообще, – Александр решительно нахлобучил на голову легкий, но обладающий поразительной прочностью шлем с прозрачным «забралом», изготовленный «из того же материала». Что и «доспехи», разумеется, – рано или поздно придется посылать туда людей. Какая разница: я это буду или какой-нибудь двадцатипятилетний парнишка, толком пожить не успевший? Я, к вашему сведению, бывал в переделках и покруче. Там, по крайней мере, нас автоматным огнем не встретят, и пройти сквозь «ворота» – это не под куполом мишенью раскачиваться над вражескими позициями.

– Как знать, как знать... Ну, с богом!

Академик, ничуть не стесняясь, размашисто перекрестил офицера и тут же отвернулся, чтобы прикрикнуть на возящихся со своей аппаратурой ассистентов. В последний момент десантнику показалось, что на его глазах блеснули слезы...

Ротмистр Воинов прикрыл нос и рот маской дыхательного прибора, опустил стекло шлема и поднял руку...

– Александр Павлович... Александр Павлович... – кто-то деликатно теребил его за плечо, и странным казалось, как хорошо чужая ладонь ощущается через пуленепробиваемый наплечник. – Александр Павлович, просыпайтесь! На посадку идем...

* * *

Место падения злополучного «борта» было окружено тройным кордоном полиции, армии и жандармов. За ним, охватывая огромную площадь, заключавшую в себя район вероятного разброса обломков вместе с парой срочно эвакуированных деревушек, военными строителями из дислоцированной неподалеку части оперативно возводилось непроницаемое извне заграждение из колючей проволоки и металлической сетки. Вполне возможно, что тяга к секретности простиралась в военных умах настолько, что в перспективе по сетке мог быть пропущен ток высокого напряжения, а внешний периметр усилен минными полями и замаскированными огневыми точками.

Ерунда, скажете вы? И будете неправы, поскольку во имя Ее Величества Секретности из всех редакций и агентств уже были изъяты все возможные материалы о «самарском инциденте», включая кассеты с записью того самого экстренного выпуска. Вместо изъятого крутилась старательно «вылизанная» специалистами по информационной войне «деза» о нештатном падении в районе деревни Чудымушкино отработанной ступени одной из ракет-носителей, выводивших на орбиту очередной блок научной станции «Россия». То, что траектория полета проходила, мягко выражаясь, несколько южнее, чем обычно, уже никого не волновало, так как интерес публики был отвлечен свежей сенсацией: очередным суперскандальным замужеством эстрадной дивы Анастасии Разгуляевой, на этот раз избравшей объектом своей страсти никому не известного выходца из Капского Наместничества моложе себя на целых двадцать восемь лет! «Уши» Службы торчали из-за сенсации более чем заметно: юный Степан Мабутто поражал военной выправкой и специфическими манерами, несколько нехарактерными для прошлых избранников Примадонны... Что совсем не помешало новому «раздражителю общественного мнения» успешно забить все воспоминания о старом.

«Будто летающая тарелка упала, – думал Александр, нахохлившись на продуваемой всеми ветрами металлической вышке – одной из шести воздвигнутых по периметру „зоны“ буквально за несколько часов: строительные войска Империи знали свое дело. – Кипежу-то, кипежу...»

Внизу, в сером месиве изрядно подтаявшего снега, там и сям испятнанного черными проплешинами выгоревшей прошлогодней травы, копошились десятки людей. Место падения уже было скрупулезно картографировано, все лежащие на виду «объекты» сняты на фото и видео со многих ракурсов, нанесены на план. Теперь шел сбор обломков фюзеляжа несчастного «Святогора» и фрагментов тел погибших...

Но не только в этом была причина небывалой активности.

Понимание невозможности случившегося пришло к властям не сразу – несколько позже того, как были «на автомате» совершены все действия, обычно сопутствующие происшествиям такого калибра. Только через час после того, как информация о катастрофе ушла «наверх» и была растиражирована медиаструктурами, кто-то (должно быть, невысокого ранга – из тех, кто еще не совсем разучился думать) спохватился, что неплохо было бы проверить – откуда и куда следовал злополучный лайнер с ясно различимыми на чуть обгоревшем фюзеляже цифрами «254».

Результат потряс всех.

«Святогор» с бортовым номером «254», приписанный к Хабаровскому отделению авиакомпании «Ермак-Аэро» был цел и невредим. Более того – он никуда не летал и уже неделю

стоял в ангаре на плановом обслуживании. Со снятыми двигателями и частично демонтированными крыльями. И каким образом машина могла раздвоиться, не понимал никто...

Исследование обломков не только не разрешило загадки, но и еще больше завело дело в область мистики. Если еще можно было допустить, что два одинаковых бортовых номера могли оказаться результатом досадного сбоя или даже какого-то розыгрыша, то как объяснить, что среди погибших, по сохранившимся документам и чисто визуально (тело практически не пострадало), был опознан один из депутатов Государственной думы? Тоже раздвоившийся. Вот уж где ошибка исключалась – Никифор Фомич Калистратов поторопился выразить соболезнование родственникам погибших перед камерами сразу нескольких телекомпаний буквально в первые же минуты после печального известия, а за несколько лет своего «законотворчества» намозолить глаза всей стране!

А дальше «сюрпризы» посыпались как из рога изобилия. Скончавшийся в прошлом году и благополучно погребенный на родовом кладбище грузинский князь Цхварчелли, неизвестно зачем летевший из Хабаровска, где и при жизни никогда не бывал, генерал от инфантерии Красовский, популярный оперный певец Дискантов, кинозвезда Баратынская и еще десятки и десятки «фантомов» – либо великолепно себя чувствующих и умирать не собиравшихся, либо уже почивших и загадочным образом возродившихся на краткое время, чтобы повторно смежить очи на унылом поле под деревней Чудымушкино.

Впрочем, загадочным все это было лишь для тех немногих, допущенных к информации о крушении «рейса 254», но не принадлежащих к «конторе»: для сотрудников «капитально-строительного товарищества» как раз все было ясно и понятно...

– Александр Павлович, – пискнул поминальник голосом Егора Лапикова – руководителя поисковой группы. – Новый список опознанных тел готов. Вам доставить на вышку или спуститесь в штаб?

– Уже иду, – устало откликнулся Александр. – Попросите секретаршу чайку приготовить, Егор Афанасьевич продрог тут весь...

2

Александр откинулся от монитора персоналки и потер пальцами уставшие от долгой работы глаза.

Хочешь не хочешь, а отчеты на высочайшее имя приходилось печатать лично – не поручишь же такое дело кому-нибудь из подчиненных: девчухе из отдела связи с общественностью или даже проверенному офицеру из оперативного. Вот и приходилось мало-помалу осваивать не совсем привычное еще занятие. Можно, конечно, было просто сляпать воедино еженедельные сводки, поступающие от начальников, но Бежецкий так халтурить не умел. И дело не в том, что цельная картинка из этих разнородных фрагментов выстраивалась с большим трудом. Еще с давних курсантских деньков он привык выполнять порученное сам, без всяких «левых припашек». Не лезть вперед без нужды – инициатива всегда наказуема, – но и не отлынивать. Тем более когда дело ответственное донелъзя и к тому же возложенное на крепкие плечи самим Его Величеством. Поверх погон с золотыми зигзагами.

Мог ли думать безвестный офицер «непобедимой и легендарной», что когда-нибудь поднимется до таких высот, пусть и «не в этой жизни», если следовать известному рекламному слогану? Нет, конечно, как и любому настоящему военному, ему не чужд был здоровый карьеризм и, безусловно, известен афоризм Бонапарта о маршальском жезле в солдатском ранце... Но как далеки были от майорских генерал-майорские звезды!

Увы, не будешь же носить на службе великолепный лазоревый мундир, так выгодно отличающийся от советско-латиноамериканского варианта, выдуманного неизвестно кем и неизвестно зачем для той, «зазеркальной» армии Демократической России, – не принято-с. Подчиненные засмеют-с. Моветон-с...

Так что генеральские погоны, хотя и подразумевались, оставались невидимы на плечах скромного темно-синего костюма. Лишь цветом, да и то отчасти, отдавалась дань отеческой «конторе».

Но не все оказалось так радужно, как мнилось на той памятной аудиенции. Нынешний глава Шестого отделения Его Императорского Величества личной канцелярии и не подозревал, насколько сложное и разветвленное «хозяйство» свалилось ему на голову. Покойная Маргарита фон Штайнберг успела сделать очень много, и в любом случае ее детище рано или поздно было бы выделено в самостоятельную единицу. Так что наследство было приличным. По объему.

Мимолетно потрудившись под началом баронессы, Александр увидел всего лишь частичку, краешек механизма, а теперь перед ним понемногу представало целое.

Отдел вовсе не занимался лишь исследованием «окон в иные миры», как считали коллеги-ученые, да и создан был гораздо раньше появления здесь Бежецкого-второго (как он сейчас по традиции писался во всех официальных бумагах) и совсем не из-за его скромной персоны, как он одно время наивно полагал.

Инvasion из чужих миров случались и ранее, но все они считались досужим вымыслом и не принимались всерьез до «Спрингфилдского инцидента» 1983 года – масштабного вторжения «из-за грани» на стыке четырех границ: Русской Америки, Северо-Американских Соединенных Штатов, Конфедерации и Мексиканской Империи. Именно там, в кровавой недельной мясорубке, и получила боевое крещение будущая баронесса фон Штайнберг, а тогда рядовая сотрудница Иностранной Службы Министерства Внешних Сношений, проще говоря – здешнего аналога ГРУ – юная Анечка Лопухина.

Об этой истории, тщательно засекреченной даже спустя четверть века, Бежецкий узнал лишь после вступления в должность, знакомясь с материалами, доступными немногим. Собственно говоря, передачи дел как таковой из-за трагической кончины предшественницы не

было, и добрался новый шеф до того эпизода не сразу. А еще – до десятков пухлых томов, обрушивших на него такую лавину немыслимой для простого смертного информации, что дух захватывало. А своей очереди дожидались еще сотни...

Увы, имевшая основной целью защиту Империи от более чем внешних врагов, служба долгое время топталась на месте, не только не понимая природы чужеродных вторжений, но и не имея возможности исследовать «окна», что называется, «на зуб». Порталы в чужие миры во всех, без исключения, случаях оказывались эфемерными, открываясь лишь на какое-то время и затем исчезая без следа. Причем без какой-либо системы. Попытки предугадать, где и когда откроется дверь в иное измерение, напоминали гадание на кофейной гуще или попытки средневековых схоластов подсчитать количество ангелов, уместяющихся на острие иглы. Лишь буквально перед появлением в этом мире Александра золотые головы службы – ученые с мировыми именами – смогли нащупать нужную ниточку, создать хоть какую-то теорию, пусть и хромающую на все четыре ноги, разглядеть свет, чуть брезжащий в конце тоннеля.

И он сам, вернее, безуспешная попытка взять неуловимого Полковника немало помогла этому.

Бежецкий, даже став генералом и главой ведомства, не перестал быть простым военным – практически абсолютным профаном в физике и математике, тем более отличающихся от тех дисциплин, которые он изучал (не слишком, кстати, прилежно) в школе, как реактивный истребитель от фанерного «кукурузника». Все заумные термины, слетающие с уст его многочисленных «подчиненных», были для него не более информативны, чем шум ветра. В конце концов он уяснил лишь то, что хотя «окно», кратковременно пробитое Полковником в параллельное пространство, затянулось практически мгновенно, в этом месте какое-то время продолжал оставаться след в виде искривленных полей, специфического излучения и еще чего-то образно названного академиком Новоархангельским «кварковым шумом». И шум этот позволил ученым откалибровать и перенастроить какие-то хитрые приборы...

А дальнейшее было уже делом техники. И он, тогда еще практически безымянный полужизгой под чужим именем, в этом научно-техническом прорыве принял непосредственное участие.

«Жаль все же, что не удалось тогда присутствовать при этом до самого конца, – в который раз пожалел Александр. – Челкин этот чертов...»

Хотя грех ему было клясть бесследно испарившегося экс-фаворита: не будь его неумеренной жажды власти, не сидел бы сейчас в этом кресле генерал Бежецкий. В лучшем случае корпел бы над бумагами двумя-тремя этажами ниже или лазал бы где-нибудь по лесным чащам и горным склонам в поисках ускользающих «ворот на Тот Свет» безвестный ротмистр Воинов.

Да и жалеть собственно не о чем: «Ледяной мир», который удалось открыть тогда и куда сейчас время от времени удается забрасывать исследовательские автоматы и группы смельчаков, по сей день остался единственным. Если не считать, конечно, того недоступного и неизвестно за какими «лесами и долами» находящегося, откуда явился он сам, и другого, в котором на короткое время был пленен близнец. Но как они далеки...

Генерал еще раз потер ладонями лицо и снова придвинулся к персоналке, на мониторе которой последнее предложение так и осталось незаконченным.

– Остается констатировать... – прочел он вслух и беспечно покатал «мышку» (и здесь она называлась точно так же) по столу.

«Что констатировать? Свою полную бездарность? Невозможность дать хоть какие-то результаты?.. Блин. Какая-то лотерея получается, игра в орлянку. Даже не в орлянку, а в подкидного дурачка!.. Надеемся на чудо, словно темные дикари...»

Он положил пальцы на клавиатуру, готовясь стереть весь последний абзац, но тут ожил динамик селектора.

– Ваше превосходительство, – мелодичный голос секретарши тут же развеял мрачное настроение Бежецкого. – К вам тут ротмистр Розенберг рвется. Пустить?..

– Пусти, конечно, Лизанька, – прижал клавишу пальцем его превосходительство. – Входите, барон.

– Добрый день, Александр Павлович, – возник в дверях его, Бежецкого, преемник в роли начальника научно-исследовательского отдела Николай Федорович Розенберг (приставки «фон», которой так гордились его остзейские предки, ротмистр не любил, хотя и менять фамилию на какого-нибудь Розогорского не собирался).

– Проходите, присаживайтесь, – сделал радушный жест генерал, чуть приподнимаясь из кресла. – Бумаги принесли? – обратил он внимание на папку, которую посетитель держал под мышкой. – Зря, зря... Электронкой бы переслали или курьером, на худой конец...

– ЧП, Александр Павлович! – перебил его подчиненный, и весьма непочтительно. – Потерпел катастрофу пассажирский «Святогор» авиакомпании «Ермак-Аэро».

– Много жертв? – построжал Бежецкий, мечась мыслями с одного на другое: неужели кто-то из высокопоставленных персон пострадал. Или... Нет, члены Императорской семьи услугами частных авиакомпаний не пользуются – для них и прочих «особ» есть государственный «Российский орел». Может...

– Много, но не в них дело! – досадливо отмахнулся ротмистр. – Смотрите сами...

Поверх вороха генеральских бумаг лег радушный компакт-диск...

* * *

Обломки разбившегося самолета аккуратно раскладывались на полу огромного ангара, способного вместить несколько «Святогоров». В силуэте лайнера, похожего сейчас на детскую мозаику, зияли незаполненные участки – многие фрагменты оказались настолько изуродованы после падения с многокилометровой высоты, что понять сразу, куда приложить тот или иной комок дюралюминия, перемешанный с пластиком и пучками проводов, было сложно. Но хотя до завершения кропотливого труда оставалось еще изрядно, даже совершенно не искушенный в авиастроении человек понял бы, что здесь присутствует далеко не полный остов самолета. Если быть точным, то всего лишь треть планера, рассеченного вдоль, чуть наискось, словно гигантский огурец не менее гигантским ножом – часть фюзеляжа с одним крылом и остатками хвостового оперения.

– Взрыв на борту исключен? – деловито поинтересовался Бежецкий, облокотившись на ограждение балкона, нависающего над останками расчлененного самолета.

– Абсолютно, ваше превосходительство, – с готовностью ответил инженер, замерший рядом с высокопоставленным «гостем» и совершенно не знавший, как себя вести: генерал в штатском формально не входил в комиссию, присланную из Санкт-Петербурга, но полномочиями, судя по тому, как к нему обращались столичные чиновники, обладал отнюдь не меньшими. – Анализы на следы взрывчатых веществ были проделаны одними из первых. К тому же разброс обломков...

Инженер замялся.

– Ну-ну, продолжайте, – поощрил его генерал.

– Разброс обломков не характерен для взрыва в воздухе. Тем более на такой высоте. Фрагменты располагаются довольно компактно в пределах четко очерченного сектора... Вот, извольте взглянуть на чертеж...

Александр взглянул в неправильную фигуру, вычерченную на ксерокопии сильно увеличенного участка топографического плана разноцветными карандашами. Больше всего она напоминала с детства набившее оскомину схематическое изображение атома или уродливый цветик-семицветик. Заштрихованное красным ядро, похожее на кривую букву «Т», два нерав-

ных по длине оранжевых «лепестка», вытянутых с востока на запад, и три желтых «ложноножки», направленные в разные стороны. Лепестки совпадали по направлению с плавной изогнутой красной стрелой, видимо обозначающей траекторию движения самолета до столкновения с землей, а дополняли картину несколько зеленых пятнышек разного размера и точек, разбросанных по правой части листа. Фигура пестрела разноцветными точками, помеченными номерами, доходящими до четырехзначных. Вся композиция была очерчена толстой синей линией.

– Извините, э-э-э...

– Виталий Никитович, – с готовностью подсказал инженер.

– Виталий Никитович, вы не можете пояснить мне, несведущему, этот э-э-э... сюрреализм.

– Охотно. Красным обозначена область первичного, так сказать, столкновения. И местонахождение обломков, оставшихся на месте, – крупные фрагменты фюзеляжа, шасси, заглубленные в почву мелкие части... Ну, это понятно. Да?

– Конечно, конечно.

– Оранжевым выделена, – продолжил ободренный «технар», – основная часть обломков, выброшенная по ходу движения фюзеляжа при чисто механическом разрушении... Удар о землю. Желтым – осыпь, образовавшаяся после взрыва...

– Так взрыв все-таки был?

– Естественно! В баках самолета оставалось какое-то количество топлива, которое сдетонировало при ударе о землю или последовавшем пожаре. Объем был невелик, поэтому и разлетались фрагменты фюзеляжа, кресла и... ну вы понимаете.

– Тела?

– Да. В основном части тел. Разлетались они недалеко, но достаточно хаотично.

– Понятно. А зеленые участки?

– Зеленым мы отметили те фрагменты, которые предположительно отделились от падающего самолета еще в воздухе и продолжали движение до столкновения с землей самостоятельно. Часть кресел правого ряда, чемоданы из вскрытого багажного отделения... Опять же... Тела. Кстати, они и позволили вчерне определить точку разрушения фюзеляжа в пространстве.

– Серьезно? – оторвался от созерцания печальных останков некогда прекрасного воздушного судна Александр. – С какой точностью?

– Пока с невысокой, – пропустил первый риторический вопрос мимо ушей инженер. – Вот, взгляните сюда.

Перед генералом появился второй лист, с линией, изображающей траекторию падения самолета, так сказать, в профиль (довольно крутой, кстати) и еще одна ксерокопия карты несколько меньшего масштаба.

– Вот, – длинный палец «авиатора» указал на то место, где синяя линия «спокойного» полета переходила в красный, «аварийный» участок, – практически над деревней Чудымушкино...

* * *

Мертвая деревня смотрелась декорацией из какого-нибудь сериала «про старину», которые устойчиво держали в сетке вещания всех телекомпаний страны пальму первенства далеко не первый сезон. Портили картину лишь телевизионные антенны на крышах и чересчур аккуратные ограды палисадников из штампованного пластикового штакетника.

– Как видите, уложились точно в отпущенный срок, ваше превосходительство. – Солнышко припекало почти по-летнему, и исправник то и дело вытирал пот, струящийся по мяси-

стому лицу из-под козырька форменной фуражки, обширным клетчатым платком. – Только так ли уж необходима была полная эвакуация?

– Вы сомневаетесь в моих полномочиях?

– Нет-нет, нисколько! Только...

– Вот именно, – посмотрел в голубые безмятежные глазки полицейского Бежецкий. – Ответственность за принимаемые решения я беру на себя. Этим правом меня наделил Император. Проверьте еще раз.

Исправник молча кивнул, кинул к козырьку фуражки ладонь и потрусил вдоль деревенской улицы, отдавая на ходу распоряжения замершим как истуканы полицейским.

«Хм-м, ответственность... – подумал, глядя ему вслед Александр. – Ответственность...»

– Поступайте, как считаете нужным, – после недолгого молчания ответил вчера Император после того, как шеф Шестого охранного отделения изложил ему все резоны. – Я вам доверяю.

Вот так – ни больше ни меньше: «Доверяю». И означать это могло лишь одно – потерю доверия в случае чего. Поскольку Его Величество уже был несколько разочарован «успехами» нового ведомства, топчущегося на месте довольно долго. Значит, осечки быть просто не должно. Особенно если учесть, какую бучу поднимут, узнав об экстренной эвакуации безмятежной деревеньки, все эти разномастные и разношерстные «борцы за права», разные по названию, но одинаковые по сути. Слыханное ли дело: без всяких причин вроде наводнения, землетрясения или другого стихийного бедствия взять да и выселить из собственных домов целых два населенных пункта, не считая нескольких хуторов!

«Что ж, будем высочайшее доверие оправдывать...»

Генерал пожал плечами и зашел в дом, у ворот которого замерли двое крепких мужчин в штатском – бывшие бойцы спецподразделений, которых Бежецкий самолично сманивал отовсюду, откуда только было возможно, справедливо считая, что без мускулов самая продвинутая служба – клуб по интересам, а не государственная структура. Функции у маленькой армии пока были расплывчаты донельзя, возглавлял ее тот самый ротмистр Краюхин – герой первого десанта в «Ледяной мир», да и численность оставляла желать лучшего. Но шеф мог быть уверен: его сорвиголовы полезут хоть к черту на рога, если на то будет приказ обожаемого всеми без исключения «людьми в погонах» командира. Ведь «наш Бежецкий» сломал хребет самому узурпатору Челкину! Если не в прямом смысле, то фигурально. Но с не меньшим эффектом.

Вот и сейчас охранники проводили своего кумира взглядами, в которых сквозила безграничная преданность. Образу следовало соответствовать, и Александр лишь скупно кивнул обоим сразу и никому в отдельности.

Ученые, облюбовавшие просторный дом деревенского старосты под свою штаб-квартиру, уже успели развернуть аппаратуру и теперь были заняты малопонятными манипуляциями, на их птичьем языке именуемыми «калибровкой». Они разбились на группки соответственно специализации и теперь обменивались редкими фразами, словно игроки в «морской бой» ходами, вызывающими то общее одобрение, то недовольство отдельных личностей, такое же понятное непосвященному, как и язык какого-нибудь обитателя затерянного амазонского племени.

Бежецкий и не думал вникать в их специфические занятия, разобраться в которых вряд ли смог бы и лауреат Нобелевской премии сразу в области физики, математики и философии, вкупе с десятком иных дисциплин. Поэтому прошел через импровизированную лабораторию, терпеливо кивая тем немногим, что сочли возможным оторваться от своего занятия, и односложно отвечая на их приветствия и вопросы, стремясь в заднюю комнатку, хозяевам служившую супружеской спальней. Туда, где заседал мозговой трест всей «ученой банды», как не слишком почтительно отзывались о «научниках» «оперативники».

– А, Александр Павлович, – прервал спор со своими закадычными приятелями и временно заклятыми врагами в научной сфере академик Николаев-Новоархангельский, при-

вставая из-за стола, на котором чертил какие-то непонятные графики и кривые в наваленных неопрятной грудой бумагах. – Мы тут как раз обсуждали...

– Сидите-сидите! – Генерал скромно пристроился в уголке на весьма расшатанном «венском» стуле. – Я так, на минутку.

Он отметил про себя, что на обсуждение-то как раз прерванный разговор никак не походил. Слишком уж взъерошенны были «оппоненты»: покрасневшийся профессор Кирстенгартен и, наоборот, бледный в синеву академик Мендельсон, которого ученый-помор опять, наверное, довел до белого каления своим показным антисемитизмом, подключаемым к дискуссии тогда, когда иных доводов не хватало. Скорее всего, оба ученых светила опять вцепились друг другу в глотки мертвой хваткой, а добрейший немец из всех сил пытался их разнять, как всегда, в минуту волнения мешая русскую речь с немецкой.

– Александр Павлович! – подскочил он на месте. – Зеген зи бите... Скажите им...

– Да-да, господин Бежецкий...

– Господа, – кротко заметил генерал. – Я же сказал, что зашел только на минутку.

Ответьте мне на один вопрос и можете продолжать свой диспут.

– Мы слушаем, – первым справился с собой Дмитрий Михайлович.

– Скажите мне только одно: это оно? – ткнул шеф Шестого отделения пальцем в потолок.

Ученые помолчали.

– Учитывая некоторую специфику... – начал Мендельсон.

– Нельзя говорить в один слов... знак... однозначно... – вставил Леонард Фридрихович, мужественно борясь со сложностями чужой речи.

– Да, это переход, – убитым тоном подытожил Агафангел Феодосиевич, обедая взглядом притихших коллег. – Причем необыкновенно обширный и устойчивый, хотя и очень необычный по структуре и частотно-вероятностным характеристикам...

3

– Вы серьезно, Агафангел Феодосьевич?

Академик выглядел предельно растерянным, словно солдат-первогодок, застуканный дежурным офицером за поеданием под одеялом посылки из дома. В таком состоянии Бежецкий не видел ученого ни разу. И оно лучше всяких слов убеждало в том, что «научники» столкнулись с чем-то из ряда вон выходящим.

В ответ Николаев-Новоархангельский лишь развел могучими ручищами с таким жалобным видом, что его на миг стало жалко:

– Более чем, Александр Павлович.

Александр еще раз взглянул на чертеж устья межмирового канала, в просторечии «входа» (хотя с тем же успехом он мог считаться и выходом): ромб, длина к ширине у которого соотносились как пять к одному, – этакий удар исполинского обоюдоострого кинжала ниоткуда, соединивший два несоединимых в принципе пространства. Недаром многие сотрудники отдела уже свободно оперировали термином «прокол».

Но прокол проколом, а размер самого ромба потрясал – семьсот метров на сто пятьдесят. Целая эскадрилья «Святогоров» могла пройти через него, хоть по четыре в ряд, и самолеты ничем не помешали бы друг другу. Разве что инверсионными следами. «Ледяной» портал, не говоря уже о том, который проделал Полковник, смотрелись на фоне этого исполина просто микроскопическими. Да и исчезать он никуда не спешил, зависнув над деревней Чудымушкино на высоте одиннадцать тысяч метров и величаво игнорируя воздушные течения, перепады давления и прочие метеорологические факторы. Следуй злополучный лайнер чуть правее – никто так и не узнал бы о существовании «дыры в небе». Как выяснилось из расшифровки стандартного «черного ящика» (второй, увы, остался «по ту сторону» и был недоступен), двойник «борта 254» следовал в трагический день с небольшим отклонением от курса, на девяносто процентов совпадающего с обычным для самолетов «Ермак-Аэро» этого маршрута.

А если бы чуть левее... Тогда все было бы еще интереснее – возникший ниоткуда лайнер, скорее всего, в штатном режиме запросил бы посадку, и как повернулось бы дело – сказать не мог никто. Скорее всего, у Александра появилось бы несколько сотен братьев, имеющих идентичных двойников или неожиданно воскресших для своих родных, подобно генералу Красовскому и князю Цхвартчелли. Увы...

Внешне все выглядело необычно, даже фантастично, но пристойно – возник себе в небе проход в иное пространство и возник – ничего сногшибательного в этом не было. Согласно теории Мендельсона—Смоляченко, такие проходы должны возникать чуть ли не ежеминутно и по всему белу свету, существуя от нескольких миллионных долей секунды до бесконечности и варьируясь от размера микрочастицы до соизмеримого с диаметром планеты. Слава Всевышнему, вероятность возникновения последних стремилась к нулю, но существовала. Однако все это было внешней видимостью.

На экранах компьютеров, обрабатывающих информацию о «дыре», поступающую с нескольких тысяч разнообразных датчиков, вся кажущаяся стабильность летела к черту, его матери и бабушке заодно.

Края «прокола» просто кипели от бушующей на границе двух миров энергии, причем оставалось непонятно: стремятся они сойтись, чтобы исполинский шрам на теле мироздания затянулся без следа, или, наоборот, разойтись, объединяя миры, соединенные доселе лишь тоненькой перемычкой, в единое целое. В ни на что существующее не похожего монстра. Но сила, удерживающая «прореху» в относительной стабильности, пока что со своей задачей справлялась успешно – колебания границы имели амплитуду всего лишь несколько десятков сантиметров в обе стороны.

И вот теперь академик предъявлял доказательства того, что сила эта действует вполне осмысленно, следовательно, «прокол» имеет искусственное происхождение.

– Возмущения на границах получают противодействие строго в требуемом объеме. Например, там, где граница имеет тенденцию к движению в сторону центра – вектор направлен в противоположном направлении, и, соответственно, наоборот. Мальчишки в данный момент рассчитывают пространственную модель...

– Зачем?

– Проход развернут под некоторым углом к перпендикуляру. Иначе говоря – это не столько дверь в стене, сколько окно в пологой крыше.

– И о чем это говорит?

– О том, что проход рассчитан в основном на проницаемость сверху, из космоса.

* * *

Как и подобает подчиненному, Александр встречал «железную леди» у трапа.

Использовать для снабжения «зоны» Самарский аэропорт, лежащий в нескольких десятках километров от Чудымушкино, или даже один из военных, расположенных ближе, было признано нецелесообразным. Чересчур уж специфические грузы пришлось бы им принимать. Поэтому из соображений известного характера перевалочной базой стала давно заброшенная взлетно-посадочная полоса времен Магрибинского конфликта тридцатилетней давности, предназначавшаяся во времена оные для принятия ядерных ракетноносцев, по каким-либо обстоятельствам вынужденных прервать свой трансконтинентальный рейд. Агрессивных магрибинцев, как известно, удалось утихомирить без применения термоядерных боеголовок, а о нескольких сотнях метров заросшей травой «бетонки» в поволжской степи просто забыли. Равно как и о строившихся «на века» ангарах для самолетов и казармах для «обслуги», вместительном топливозапаснике, рулежных дорожках и штабелях профнастила, изрядно поржавевшего, но пригодного, чтобы с его помощью за несколько дней превратить полосу в полноценный аэродром, способный разместить хоть полк истребителей.

Например, высотных истребителей-перехватчиков Д-215 «Сапсан».

И никаких шуток: «прикрыть» Самару и все Поволжье от возможной атаки «из-за горизонта» было решено сразу же после выяснения реальности «окна» и его масштабов.

– Вы что, хотите пол-империи под удар подставить? – хрипел своим «фирменным» басом генерал от авиации Ляхов-Приморский на виртуальном совете, созванном по такому поводу. – Да через эту дырищу не только бомбардировщики можно пустить – баллистическими ракетами нас завалить по... по эти самые... по самое некуда!

Со старым воякой, лихо сбивавшим когда-то в небе над Великим Океаном британские «Спитфайры» и «Харрикейны» в «большой драке» за Южный Китай, не соглашались и спорили. Его даже высмеивали. Многие, из молодых да ранних, рады были потешаться над старостью и явным маразмом, но ряды выкрашенных в камуфляжные цвета «Сапсанов» с опознавательными знаками цвета российского триколора на крыльях и хвостовом оперении множились, как по волшебству, на несуществующем в официальных бумагах аэродроме... И в основном потому, что у старика нашлась весомая поддержка, в том числе – некой приятной во всех отношениях дамы, участвовавшей в совещаниях наравне с именитыми сановниками.

Вот и сейчас она, словно вдовствующая королева, величаво спустилась на потрескавшийся бетон, протянув встречающему мужчине изящную руку для поцелуя.

– Добрый день, Александр Павлович, – проворковала Маргарита, мельком взглянув в карманное зеркальце и поправив кокетливо набекрень, по последней парижской моде, сидящую шляпку. – Вы прекрасно выглядите... Как, собственно, и всегда.

А Бежецкий стоял истуканом, проклиная себя за мешковатость. Уж близнец-то в подобном случае не сплеховал бы: как же – воспитание, великосветские манеры, впитанные на генетическом уровне...

«Брось ерунду городить! – ехидно ввернул внутренний голос. – У тебя гены точно такие же! В той же пропорции. И воспитание, спасибо Полковнику, не хуже...»

Но гены тут были виновны или что-то еще, а Александр всегда в присутствии этой женщины чувствовал себя безмозглым чурбаном, манекеном из зала для боевой подготовки.

Слава богу, оцепенение это проходило без следа после первой же шпильки в его адрес...

– Впрочем, что я говорю! – тонко улыбнулась начальница, отлично знавшая о его проблемах. – Первое впечатление обманчиво... Плохо выбриты, сударь, помяты... Опять гусарские замашки, гульба до утра, доступные губернские барышни?

– Как можно, сударыня? – подхватил игру ротмистр, чувствуя мимолетную благодарность насмешнице. – Сугубо монашеский образ жизни-с!..

– Ох, знаю я вас, Александр! – смеялась дама, садясь в поджидавший у края поля автомобиль, и шутиливо грозила пальчиком, затянутым в лайку.

Но глаза у нее при этом оставались серьезными и оценивающими...

* * *

Здесь, на одиннадцатикилометровой высоте, пульсирующий край «перехода» был различим даже невооруженным глазом, не то что снизу, пусть и в мощнейшую оптику.

Нет, неким аналогом багетовой рамы, окаймлявшей исполинский ромб, граница не выглядела и отсюда. Просто время от времени чудился глазу сиреневый проблеск, подобный преломленному на грани хрустального бокала солнечному лучу. И проблески эти при ускоренном показе сливались в зыбкую, расплывчатую черту...

Но на лобовом стекле кабины переоборудованного под летающую лабораторию стратосферного бомбардировщика «Беркут» – спасибо хитрой электронике и жидкокристаллическим пленкам – «ворота» виделись перламутрово-серым полем, окаймленным четкой малиновой чертой. Равно как и у всей авиатехники, занятой на «Объекте Лямбда», включая ту, которая и на половину требуемой высоты не способна была подняться.

Еще совсем недавно Бежецкий гадал о происхождении названия «Объекта Гамма», но теперь, знакомый со всеми нюансами терминологии «межпространственников», только саркастически улыбался: что же будут делать «научники», исчерпав до конца весь так горячо любимый ими греческий алфавит? Перейдут на иной, к примеру, древнееврейский или начнут сдвигать символы, плодя всякие «альфа-беты» и тому подобные «дельта-омеги»? Ждать, чувствуется, оставалось совсем недолго...

– До цели два километра с копейками, – бормотнул пилот, не отрывая напряженного взгляда от приборов, как будто Александр сам не видел стремительно уменьшающейся многозначной строчки чисел в углу экрана.

«Вибрирует летун, – подумал Бежецкий, отлично видя, что „копеек“ еще больше двух третей километра. – Страхуется. Хотя его тоже можно понять: край „ворот“ режет почище гильотины – вякнуть не успеешь...»

– Приготовиться к сбросу, – стараясь, чтобы голос звучал как можно более безразлично, обронил он, кладя пальцы на клавиши управления «Стрижом».

Конечно, и это не его дело, но как можно доверить кому-то запуск в таинственное «ничто» первого в истории зонда?

Беспилотный самолет «Стриж» – исследовательский комплекс, смонтированный на базе крылатой ракеты воздушного базирования «Сулица» и несущий вместо ядерной боеголовки восемьдесят килограммов научной аппаратуры, по стоимости был соизмерим со всем «Берку-

том», пусть даже и не в полноценном боевом исполнении, и с четырьмя «Сулицами» со штатной «начинкой». Бежецкий с улыбкой припоминал сцену из «потусторонней» американской комедии, где пилот-разиня, загубивший «летающую крепость», обиженно восклицал: «Но я же выплачиваю по пять долларов с каждого жалованья!» Вряд ли, выплачивая даже не по пять, а по пятьсот с каждого жалованья, да не паршивыми здешними долларами, а полноценными золотыми рублями, ротмистру Воинову удалось бы расплатиться за утерянного «Стрижа» до конца жизни...

Повинуясь легкому движению пальца, в углу материнского экрана замерцал маленький прямоугольник, в котором виднелась картинка, во всем идентичная основной, кроме размера: то же голубое небо, отчеркнутое серо-малиновой гранью. А вот и нужная отметка замигала...

– Сброс.

Самолет заметно дрогнул всем телом, словно корова, укушенная слепнем, и серо-малиновая плоскость плавно заскользила вниз и влево: освободившись от груза, «Беркут» ложился на новый курс.

Но на малом экране она осталась на месте, качнувшись вверх-вниз пару раз, стабилизировалась и начала стремительно приближаться.

«Ну!.. – мысленно сжал кулаки на удачу Александр, когда вместо многозначного числа на экране замигали нули. – Не подведи...»

Увы, чуда не произошло. Экран внезапно подернулся рябью, а над нулями, в такт им, замерцала надпись: «Контакт потерян».

«Вот ты, Саша, и влетел на миллион! – невесело пошутил про себя Бежецкий, автоматически перебирая режимы связи с аппаратом, словно надеясь на невозможное – что сейчас хитрая машинка откликнется из-за непроницаемого для всех видов электромагнитного излучения барьера. – Теперь ходить и ходить тебе в алиментщиках!..»

Конечно, никто на ротмистра Воинова никаких выплат не навешивал. Более того – в надежно охраняемом ангаре базы ждали своего часа еще одиннадцать «Стрижей», а в случае надобности в Нижнем собрали бы еще столько, сколько потребуется... Но офицер все равно чувствовал себя не в своей тарелке: еще ни разу не доводилось ему ни здесь, ни «дома» облегчить казну на сотни тысяч рублей. Даже «деревянных», не говоря о полновесных, золотых.

Теперь оставалось только ждать.

Ждать, когда аппарат, все многочисленные рецепторы которого автоматически включились сразу по пересечении незримой черты, совершит облет по дуге крошечного на первый раз участка чужого мира, бесстрастно фиксируя все, что только возможно, камерами, работающими во всех областях спектра, и снова выскочит в пределы родного. А здесь, отстрелив уже ненужный двигательный отсек, на парашюте приземлится прямо в руки ученых, приплясывающих от нетерпения далеко внизу, как малые детишки под рождественской елкой.

Так ожидалось, так было подробно расписано в многостраничной объяснительной записке, на это надеялись тысячи людей, но... этого не случилось. Как, собственно говоря, и считали хорошо информированные скептики, составлявшие большинство близко знакомых с проблемой сотрудников Александра. Да и сам он...

Увы, к числу восторженных оптимистов бывший майор ВДВ себя не относил лет уж пятнадцать как. А то и больше.

Так и виделось ему, как на беззащитного «Стрижа», опрометчиво нарушившего границу миров, камнем падает ошетилившийся пушками-пулеметами хищный «Сапсан», как рвут на куски титановый корпус ракеты «воздух—воздух», как рушатся сверкающими брызгами в многокилометровую глубину в буквальном смысле золотые обломки приборов...

И почему-то за толстым броневым стеклом кабины «потустороннего» истребителя видел он себя самого, оскалившего зубы в яростной матерщине и остервенело жмущего на все гашетки сразу...

– На базу? – вырвал его из облака видений напряженный голос пилота.

– Что? – Экран мерцал по-прежнему, равно как и сакраментальное предупреждение об утерянном контакте, только секунды, отсчитывающие пребывание разведчика в чужом стане, сменились десятками минут. – А, да... На базу, поручик, на базу...

И уже при заходе на посадку, услышал от пилота соболезнующее:

– Да не убивайтесь вы так, господин ротмистр: Бог дал, Бог взял...

Но ротмистр Воинов думал о другом...

Сибирь, за год до описываемых событий

Бежецкий прошелся перед коротким строем бойцов, одетых так же, как и он, в утепленные камуфляжные комбинезоны, скрывающие под негорючей тканью броневые «экзоскелеты» – последнее слово военной техники и шедевр технологии. Увы, из-за своей дороговизны и сложности в изготовлении могущие поступить в войска и стать там обычными лишь аккурат ко всеобщему всепланетному миру и дружбе. То есть – в далеком будущем. Пока же подобными комплектами, и то со скрежетом зубным, снабжались лишь спецподразделения, выполняющие особые задачи, результаты которых по своей важности с лихвой перекрывали те десятки тысяч золотых рублей, дорогостоящие материалы, многие из которых стоили буквально на вес золота, если не дороже, и, главное, сотни человеко-часов, вложенные в их производство.

Бойцы выглядели хмуры. И вовсе не ранний час был тому причиной.

Их собирали по всей Империи, бесцеремонно выдергивая из родных полков и бригад, придирчиво сортировали и проверяли, выбраковывая хоть чем-то не подходящих под никому не известный стандарт – между прочим, чуть ли не девяносто процентов первоначальной численности. Затем – муштровали, как первогодков, чуть ли не по проверенной веками системе «сено-солома», готовя к выполнению опять же никому не понятных задач. И они, лучшие из пластунских рот² и специальных подразделений, вынуждены были признать, что то, чему они научились за годы службы и что давало им право свысока смотреть на остальных «смертных», – детский лепет по сравнению с тем, что было вколочено за какие-то полгода сплошных тренировок, марш-бросков и тактических занятий.

Вчера их высаживали с ледокола на крошащуюся под ногами кромку льда где-то возле Земли Франца-Иосифа, сегодня пришлось прыгать с парашютом в кишачие змеями, сороконожками и прочей ползающей, бегающей и летающей нечистью тропические болота, завтра предстоит преодолеть пару сотен километров по безжизненной, словно лунная поверхность пустыне... На этом этапе отсеялось еще две трети прошедших все предыдущие проверки. Но оставшиеся уже были действительно лучшими из лучших. Только было их совсем немного...

В подробности предстоящих дел этих бывших фельдфебелей и поручиков, урядников и хорунжих, кондукторов и мичманов³ никто не посвящал, а они, приученные с младых ногтей к дисциплине, не спрашивали. Робких и чересчур рациональных среди них не было – туда, откуда их «выдернули», подбирались сплошь сорвиголовы, которым тошно было от размеренной «мирной» жизни, а в огне и крови по пояс, наоборот, жилось комфортно и привычно. Жалованье шло тройное, скучать не приходилось, поэтому, справедливо полагая, что особенной разницы, где сложить голову за Бога, Царя и Отечество, нет, они были вполне довольны. Тем более что сохранности этой самой головы им никто не гарантировал – даже на учениях нередко были травмы, иногда – более чем серьезные, а с двумя товарищами пришлось, увы, проститься навсегда...

Конечно же, разговоры в казарме – и офицеры, и младшие чины жили вместе, поскольку им с самого начала было велено забыть про сословные, имущественные и любые прочие раз-

² Пластунскими ротами до 1917 года называлась армейская разведка.

³ Армейские, казачьи и военно-морские звания Императорской России.

личия, – велись. И строились самые разные гипотезы относительно предстоящей службы. Те, кто постарше и поразумнее, утверждали, что из них готовится специальная мини-армия для свержения неугодных Империи правительств за рубежами Отечества, дабы не повторялись конфузы недавнего прошлого. Вроде «Магрибинского провала», к примеру, когда несколько десятков отборных офицеров были отправлены куда-то в Северную Африку помочь местным повстанцам заменить более вменяемым субъектом некоего султана-отморозка, доставшего вкуче со своими «коллегами», образовавшими некую «федерацию», все без исключения державы. И ведь мало того, что не помогли, но в большинстве своем, после зверских пыток рассказав все перед камерами европейских репортеров, бесславно завершили жизненный путь под секирами палачей и на смазанных бараньим жиром кольях. Империи тогда пришлось забыть на время о своей взвешенности и миролюбии, чтобы примерно наказать распоясавшихся князьков, но пятно на репутации государства все равно осталось.

Ну а те, что помоложе и поглупее, горой стояли за то, что ученые головы нашли наконец способ достичь звезд и «легион» собираются отправлять на никому не известные планеты, дабы везде, куда ступит нога человека, первым поднимался трехцветный Имперский штандарт.

Над фантазерами смеялись, подшучивали, но никто и подумать не мог, насколько они были близки к правде...

И вот неделю назад первое отделение «легиона», коим командовал штаб-ротмистр Федоров, было поднято по тревоге, экипировано и отправлено куда-то, куда Макар телят не гонял, в чреве транспортного «Пересвета». Чем было заняться неполной дюжине здоровых парней, вынужденных болтаться в десятке верст над грешной землей несколько часов? Положение обязывало к прямо-таки монашескому образу жизни, не то что без спиртного, но и без табака, а карты и прочие азартные игры были строжайше запрещены... Не в «камень, ножницы и бумагу» резаться же? Нет, фельдфебель Степурко и урядник Алинских, сдружившиеся с самого начала на одной им известной почве (служили в разных концах Империи, происходили тоже отнюдь не из одной губернии, да и внешне близнецов не напоминали), насчет чего не раз прокатывались записные остряки, уединившись за штабелем снаряжения, как раз этому увлекательному занятию и предавались всю дорогу, то и дело отпуская друг другу щелбаны по лбу, который не всякая пуля возьмет. Остальные же готовились к предстоящему делу морально: обсуждая вполголоса, что же все-таки ждет их на другом конце маршрута.

За то, что это не простая тренировка, говорило прежде всего обилие «барахла», которое приходилось тащить с собой – на одну погрузку в бездонное брюхо транспорта ушло два часа, и это при том, что помогали десантникам (как-то само собой к бойцам «легиона» прилипло это название) снующие безмолвными тенями люди, профессиональную принадлежность которых определить никто не смог. По крайней мере, мата слышно не было, и «Дубинушку» никто не затягивал, даже затаскивая в самолет неподъемные контейнеры. И уж совсем заставили притихнуть «команду» одиннадцать длинных, похожих на гробы ящиков – точно по числу бойцов, – складированных и надежно закрепленных в самом безопасном месте – посреди «салона».

– Для нас приготовили, что ли? – буркнул, косясь на «домовины», вахмистр Рагузов – самый старший из всего отделения, причем единственный из всех, имевший три Георгиевских креста⁴ и пошедший в «легион», по его словам, за четвертым.

– Ты ж сам хотел четвертый крест? – поддел его мичман Грауберг, среди десантников выделявшийся совсем не немецкой склонностью к шуткам и розыгрышам. – Вот и получишь... деревянный.

⁴ Четыре Георгиевских креста – солдатских знака ордена Святого Георгия-Победоносца – составляли «полный Георгиевский бант».

Но шутки шутками, а от всего предстоящего дела за версту веяло серьезностью. Настояществу, что ли.

«Гробы», как оказалось, предназначались вовсе не для павших десантников (хотя по размерам вполне могли подойти) – они уже были заполнены...

– Бог ты мой! – ахнул бывший флотский кондуктор Ясновой, когда в «домовине», вскрытой им по прибытии на место (как наиболее подкованному в технике, бывшему локаторщику Порт-Артурской эскадры выпало быть радистом группы и ее же техником), обнаружилась «человеческая» фигура. – И в самом деле, покойник!

– Скажешь тоже... – не поверили было ему, но осеклись, убедившись...

К счастью, «покойником» оказался всего лишь спецкостюм «Горыныч», уже известный десанникам по учебным заброскам. Но только не в такой комплектации.

Во-первых, те, учебные, имели ярко-оранжевую окраску, одинаково хорошо различимую и на снегу, и в вечнозеленом лесу, и на каменистом склоне – не раз и не два не слишком удачливые группы приходилось спасать с помощью вертолетов, а то и разыскивать неделями. Эти же были раскрашены под бело-серо-голубой зимний камуфляж, разработанный для арктических условий. И уж с вертолета такой бы никто и никогда не различил.

Ну а вторым отличием была массивность броневых щитков и наличие сложных систем жизнеобеспечения и контроля, данные которых выводились прямо на прозрачное «забрало» шлема, как у современных истребителей, – все это было в учебных «доспехах» заменено более простыми аналогами. А главное: те не приходилось начинать таким количеством боеприпасов, пищевого НЗ, медикаментов и фляг с водой, рассовывающихся в самые непредсказуемые места. Снаряженные по полной программе бойцы напоминали себе готовые к бою танки – не столько огневой мощью (оружие тоже было самым разнообразным), сколько неподъемной тяжестью.

И вот тут-то выяснилось коренное отличие учебного «доспеха» от боевого. Тот был всего лишь защитой, тяжелым и досадным при долгих переходах дополнением к снаряжению, а этот...

– Вот ни фиги себе! – Поручик Батулин, только что сгибавшийся под тяжестью навьюченного на него «скафандра», ощутил себя парящим в небесах, стоило одному из встретивших десантников на месте «очкариков», помогавших осваивать новое «обмундирование», ввести в прорезь на груди тонкую пластиковую карточку вроде кредитной – активатор. – Да это же просто чудо, господа!

С едва слышным гудением поручик прошелся легким пружинистым шагом по ангару, где шла «распаковка», подхватил, нагнувшись, один из ящиков, который до того едва смог поднять вдвоем с товарищем, и легко вскинул его вверх, как штангист свой неподъемный снаряд. Да еще попрыгал на месте, подтверждая, что этот «подвиг» для него – плевое дело.

Только вот рубчатые подошвы при каждом прыжке уходили в плотно утрамбованную землю на целый вершок...

А потом начались новые тренировки, уже по полной боевой выкладке...

И вот, когда до цели осталось всего ничего, группа осталась без командира! Тут есть с чего выглядеть хмурым. И какой черт понес штаб-ротмистра на эту проклятую рыбалку? И какой дьявол морской угораздил его подвернуть на мокрых речных камнях ногу, да так серьезно, что ни о каких серьезных нагрузках в ближайшие недели и речи быть не могло?

Вот он, бледный, осунувшийся, с костылем под мышкой, стоит рядом с новым командиром группы – местным не то комендантом, не то командиром всей этой ученой братии, неким ротмистром Воиновым, выглядя на его фоне тощим новобранцем рядом с накачанным бывалым бойцом. Да и немудрено – тот ведь облачен в его же «доспехи», пришедшиеся как раз впору. Да и держится он, надо сказать, совсем не как новичок... Интересно, кем был раньше? Пластуном, десанником...

– Хочу представить вам вашего нового командира, – кашлянув начал Федоров. – Ротмистр Воинов.

Офицер сдержанно кивнул.

– Он будет заменять меня на время настоящего задания, – продолжил командир. – Поэтому прошу слушаться его, как меня. Даже больше, чем меня, потому что дело предстоит очень серьезное. А теперь предоставляю слово ему.

Штаб-ротмистр отступил на шаг назад, демонстрируя, что он с этого момента не более чем статист.

– Здравствуйте, господа, – начал Воинов. – Сегодня нам с вами предстоит не слишком уж сложное дело...

По шеренге пронесся ропот...

4

Конечно, полноценного офицерского собрания здесь, в глуши, по мнению столичных особ, не было и не могло быть, но русское офицерство не было бы русским офицерством, если бы забыло свои вековые традиции. А традиции гласили, что будь ты хоть на войне, хоть в походе... И уж участвуя в таком насквозь «цивильном» мероприятии, как полупонятные бывалым воякам «маневры» в степи, сам Господь велел им по мере сил скрашивать тяготы службы.

Тем более что и дамы имелись! Да-с! Не мог же генерал Бежецкий регламентировать своим подчиненным женского пола, особенно молодым, хорошеньким и незамужним, их времяпровождение в неслужебные часы? Настолько далеко не простирались даже его широчайшие полномочия. И «отец-командир» даже готов был смириться с тем, что кое-кому из его сотрудниц по возвращении из несколько затянувшейся «командировки» придется менять в списках фамилию, а то и распрощаться с хлопотной службой в связи со вновь открывшимися обстоятельствами. Отнюдь не самого неприятного для женщины свойства...

– Уверяю вас, Александр Павлович, – шурил сквозь сигарный дым прозрачные светлые глаза полковник Императорских ВВС Вацлав Гжрабиньский, раскинувшись в кресле и вольготно закинув ногу за ногу. – Все эти штуки в небесах – проделки «зеленых человечков»! Недаром же «ворота» в сечении точь-в-точь подходят для «летающей тарелки», как ее описывают очевидцы!

– Так уж и тарелки? – улыбался Бежецкий, успевший за несколько дней не только познакомиться, но и проникнуться симпатией к боевому поляку, к тому же носящему на воротнике расстегнутого полковничьего мундира точно такие же гвардейские петлицы, как и те, что украшали его генеральский, висящий сейчас в шкафу почти за две тысячи верст отсюда. – Наука утверждает, пан полковник, что никаких «зеленых человечков» не существует в природе.

– Плевать я хотел на эту науку, генерал, – горячился летчик, стряхивая пепел прямо на пол, благо никаких ковров, рачительно прихваченных с собой «в эвакуацию» куркулями-селянами, не наблюдалось и в помине. – Что хорошего могут придумать эти умники? – презрительный жест большим пальцем через плечо в сторону молодых «научников», увлеченно режущихся на бильярде с офицерами-ровесниками. – Разве наука дала нам что-нибудь путное за последние две сотни лет? Атомная бомба, отравляющие газы, какие-то ускорители каких-то там частиц... Даже надежной защиты от «французского насморка» придумать не могут, очкарики!

– Ну, я бы так не сказал... – уклончиво протянул Александр, наполняя свой и полковничий бокалы легким сидром: напиваться на глазах у подчиненных – моветон, господа! Для коньячка под лимон еще будет время... С глазу на глаз, в генеральских «апартаментах», за преферансом по четвертаку с кона. Да и самое веселье в «офицерском собрании» начнется после того, как отцы-командиры, памятуя о том, как сами были молодыми, покинут сие нескучное местечко, предоставив молодежи резвиться, как им заблагорассудится... не переходя определенных пределов и не позоря чести гвардейского мундира, разумеется.

– А ваш «Сапсан», пан полковник? Разве не достижениям российской науки обязаны вы своим «боевым конем»?

– Пф-ф-ф! Боевой конь! Да вы бы знали, пан Бежецкий, – горячился шляхтич, – на каких конях скакали мои пращуры! Между прочим – в атаку на пращуров ваших... А это разве конь? Матка Бозка! Где в нем душа? Где стать, где грация, где красота, наконец?

Генерал в душе не во всем соглашался со своим визави: красота и грация в очертаниях «Сапсана», конечно, присутствовали, но это были своеобразные красота и грация уверенного в себе хищника, такого «тигра небес», способного себе позволить некоторую показную неук-

ложность, жертву, впрочем, совсем не обманывающую... И правильно не обманывающую: времени у противника «Сапсана», идущего в атаку, оставалось как раз столько, сколько требуется, чтобы перекреститься... Или сразу дернуть на себя скобу катапульты, если к одной из христианских конфессий он не относился – нерасторопных в рай не берут. И доказывали сию аксиому детища «фирмы Дергачева» по всему земному шару...

– Хотя я, – не совсем логично подвел черту полковник, по-мальчишески открыто сверкнув в улыбке отличными зубами, – своего «Хлопчика» ни на кого не променяю. Вам, сухопутным, этого не понять.

– Ну, я, допустим, к сухопутным отношусь не совсем... До Корпуса, знаете ли, довелось полетать. Царицыны уланы, пан полковник...

Не посвящать же простодушного поляка в составляющие государственную тайну подробности того, где и на чем летал некогда бравый майор ВДВ Бежецкий? В этом мире о его прошлом знали немногие, а остальным – и не следовало.

– Правда? Пардон, пан Бежецкий! Беру свои слова обратно...

В таких легких перепалках и дружеских пикировках проходили вечера, если обоим позволяли дела служебные. А дни... А днем у командиров были разные задачи: питомцы пана Гжрабиньского звеньями без усталости патрулировали небо вокруг «ворот», не оставляя гипотетическому «супостату» ни единого шанса прорваться на «эту» сторону, а Бежецкий... Бежецкий томился, надзирая над заходящими в тупик исследованиями, остро завидуя деятельному поляку и все меньше понимая, что он тут, посреди степи, позабыл.

Необходимость перехода к активной фазе разведки, то есть к засылке «за грань» автоматов, а затем и человека, назрела и перезрела, ибо все, что только можно было выяснить с земли и борта «летающей лаборатории», было выяснено. Но... Необходимых для «вторжения» инструментов не было. Не располагало отделение подходящими летательными аппаратами, и все тут! Наземные средства имелись в ассортименте и неплохо зарекомендовали себя в «Ледяном мире», но в воздухе ученые были бессильны.

Естественно, они не сидели на месте, скребя в бородах и покрытых не столь густой растительностью затылках.

Предлагалась масса проектов: от беспилотного самолета, управляемого с земли или борта «лаборатории», до всевозможных экзотических воздушных шаров и ракет различной конструкции. Жаль только, что самый продвинутый образец «беспилотника» мог подняться лишь на четверть требуемой высоты, а запущенный с борта «матки» неминуемо разделял судьбу шаров и прочих «невозвращенцев» – информацию он, может быть, и собрал бы, но как ее передать через непроницаемую для радиоволн «грань бытия»?

В негласном конкурсе сумасшедших изобретений победил проект Смоляченко, в силу общей оторванности от почвы своей сугубо теоретической науки, от технических тонкостей далекий более всех «светил». Молодой физик предложил в качестве носителя для научной аппаратуры крылатую ракету, во-первых, из-за своего основного назначения легко преодолевающую высотный барьер, во-вторых, управляемую бортовым компьютером и, соответственно, способную совершать сложные, полностью автономные маневры, и, в-третьих, обладающую достаточной грузоподъемностью, чтобы нести на себе не только банальную видеокамеру, но и иную аппаратуру, компактностью, увы, не отличающуюся.

Проект был встречен «на ура». «Изобретателя» даже порывались качать на руках и тут же, не откладывая дела в долгий ящик, высечь его имя золотом на чем-нибудь подходящем. Например, на стенке русской печи за неимением гранитных и мраморных скрижалей. Александру даже жаль было соваться во всеобщее ликование со своей ложкой дегтя: стоимость хотя бы одной крылатой ракеты, пусть даже устаревшей модификации и списанной, вряд ли уложилась бы в бюджет отделения, и без того изрядно подрастрясенный решением иных насущных задач. Вот если бы знать точно, что «за гранью» не брат-близнец безусловно интересного для

науки, но абсолютно бесполезного с практической стороны «Ледяного мира», да еще убедить в сем высокое начальство... Короче говоря – замкнутый круг.

«Кольцо, кольцо, а у кольца – начала нет, и нет конца...».⁵

– Что? – переспросил Гжрабиньский, и генерал понял, что, задумавшись, произнес последние слова вслух. Хорошо, если только последние: офицер, выбалтывающий в задумчивости государственные тайны, представляет собой более чем тягостное зрелище.

– Да так, припомнилась детская считалочка, – вздохнул Александр.

– Вы что-то неважно сегодня выглядите, – отставил пустой бокал поляк. – Может быть, пойдём в мою холостяцкую конуру, распишем пулечку... Заодно подышим свежим весенним воздухом – тут так накурено, что, по вашей поговорке, топор можно вешать!

«Будто не сам надымил, – улыбнулся про себя Бежецкий. – Твоими сигарами можно террористов из их нор и схронов выкуривать...»

– Да и рюмочка коньяка вам, думаю, не помешает.

– Ничего не имею против, – кивнул генерал, решив, что довольно уже стеснять молодежь, давно уже бросающую на «стариков» нетерпеливые взгляды.

Но благим намерениям и тут не суждено было сбыться: в комнату, столкнувшись в дверях плечами и неприязненно глянув друг на друга, ввалились двое военных, в одном из которых Александр узнал дежурного по штабу поручика Ермолаева. Не тратя времени на выяснение отношений, молодые люди окинули быстрыми взглядами прокуренное помещение (да сегодня не было, поэтому офицеры дымили, никого не стесняясь) и почти синхронно двинулись к «командирскому» столу.

– Ваше высокоблагородие... Ваше превосходительство! – грянули оба хором и снова прожгли друг друга яростным взглядом.

Бежецкий, как старший по чину, чуть кивнул незнакомому поручику с эмблемами ВВС на рукавах темно-серой форменной куртки, решив проявить благородство – свой успеет.

– Разрешите обратиться к господину полковнику! – вытянулся «летун», лихо прищелкнув каблуками ботинок.

«Гвардия...»

– Обращайтесь.

– Ваше высокоблагородие, вам необходимо срочно явиться в штаб! – отчеканил посланец, не удержавшись от высокомерного взгляда в сторону сникшего жандарма.

– Извините, генерал, – сразу подобрался Гжрабиньский, застегивая мундир и жестом отсылая офицера. – Служба...

– Охотно, полковник, – кивнул Александр, и только дождавшись, когда тот встанет и выйдет вслед за своим подчиненным, буркнул Ермолаеву: – Что у вас, поручик.

– Ваше превосходительство, вам необходимо срочно явиться в штаб! – слово в слово, разве что не так лихо, повторил тот скороговорку своего соперника...

* * *

– Дикари! Перестраховщики! – горестно стонал, заламывая руки над бренными останками, академик Мендельсон. – Варвары!..

И было с чего олицетворять всю многовековую скорбь своего народа Дмитрию Михайловичу: перед ним лежало то, ради чего уже были потрачены сотни тысяч золотых рублей и десятки тысяч человеко-часов, оплачиваемых по самому высшему разряду. То, за что он, не раздумывая, отдал бы все самое дорогое на свете... Но только за целое, а не за те жалкие обломки, что принесли с собой понурые авиаторы, напоминая при этом похоронную команду.

⁵ Перефразированная строка из песни М. Танича и Я. Френкеля «Любовь – кольцо...».

Бежецкий опоздал. Опоздал непоправимо. Да и не мог он вмешаться – после драки кулаками не машут.

А драка состоялась еще тогда, когда они с полковником мирно попивали сидр в офицерском собрании...

Тройка патрулирующих «вход» «Сапсанов» засекла цель, возникшую из ничего, исправно доложила на землю и... «прервала ее полет», как говорилось в рапорте на имя генерала Бежецкого. Увы, на этот случай у пилотов были свои инструкции – четкие и не допускающие двусмысленностей. Ракеты, гончими псами сорвавшиеся с направляющих, не дали «скоростной высоколетящей цели» снова уйти «в небытие».

Мнение академика разделяли все остальные сотрудники научно-исследовательского отдела без исключения, разве что не так экспансивно. Кто бурчал что-то неразборчивое на ухо соседу, бросая неприязненные взгляды на полковника Гжрабиньского и его офицеров, явно чувствовавших себя здесь очень неудобно, кто, выражая презрение к «этим воякам» даже спиной, ковырялся в разложенном на длинном столе хламе, кто-то демонстративно отвернулся... В воздухе остро пахло оплавленной пластмассой, сгоревшим ракетным топливом и назревающим скандалом. Надо ли говорить, что даже у Александра симпатии сейчас были вовсе не на стороне постоянного партнера по коньяку и преферансу.

– Это в самом деле было так необходимо? – брезгливо тронул он причудливо скрученную деталь, оставившую на пальце жирный след копоти. – Как-нибудь аккуратнее не получалось?

– Да не умеют они аккуратнее, – буркнул перемазанный копотью по самые брови приват-доцент, нахватавшийся вольнодумства от старших коллег. – У них самый точный инструмент – бомба...

Столько горечи было в этих словах, что летчики смутились еще больше, словно мальчишки, полезшие, не спросившись у взрослых, ковыряться в сложном приборе и непоправимо его испортившие. Непоправимее некуда.

– У меня приказ! – фальцетом выкрикнул полковник, делая движение рукой к нагрудному карману, словно там и впрямь лежал всемогущий приказ, способный исправить положение. – Понимаете? У меня приказ!

– Приказ уничтожить посланца из чужого мира? – взвился Новоархангельский. – Приказ превратить в никчемные ошметки единственное доказательство существования разума по ту сторону портала?..

В полемическом задоре академик совсем забыл о существовании еще одного, более чем веского доказательства существования разумной жизни в параллельных мирах, к тому же стоявшего в двух шагах от него, но Бежецкий не стал поправлять оратора.

Увы, у Гжрабиньского действительно был приказ... Приказ сбивать все, что появится из портала. Безопасность – прежде всего. Формально он был прав на все сто...

– Успокойтесь, полковник, – примирительно начал Александр. – Мы все понимаем...

– У меня приказ! – яростно пробормотал, не слушая его, летчик. – У меня – приказ!.. Честь имею!

Он повернулся кругом и, словно забыв про субординацию, не прощаясь, покинул провонявшее гарью помещение. Следом, с извиняющимся видом отдавая честь на ходу, потянулась «свита».

– Приказ у него! – продолжал кипятиться Агафангел Феодосиевич. – Исполнительный какой выискался! Приказы им мозги заменяют – болванчикам заводным... А вы тоже хороши, Александр Павлович! – потеряв контакт с непосредственным раздражителем, напустился он на единственного военного в радиусе досягаемости. – «Мы все понимаем...» Что мы понимаем?.. Й-й-эх!..

– Агафангел Феодосиевич... – тихо проговорил Мендельсон, уже несколько поостывший. – Агафангел Феодосиевич!..

Академик замер с открытым ртом, медленно его закрыл и вдруг выверился на ни в чем не повинных коллег:

– А вам тут какого рожна нужно?! Живо по рабочим местам! Дармоеды, мать вашу!!!

Комната вмиг опустела. Только Смоляченко, словно его академический гнев не касался, продолжал самозабвенно копаться в останках чужого «зонда».

– Извините, генерал, – пробормотал Новоархангельский, покаянно свесив лохматую, как у основоположника марксизма, голову и запустив пятерню в дремучую бороду. – Погорячился... При подчиненных... Стыд-то какой... Простите...

– Бог с вами, Агафангел Феодосиевич! – настала очередь смутиться Бежецкому. – Какие мелочи, право...

– И все равно... – начал было Новоархангельский, но от стола раздался такой вопль, что он испуганно осекся и почему-то схватился за очки.

Возбужденный донельзя приват-доцент потрясал над головой какой-то кривой железякой, донельзя напоминая при этом австралийского аборигена с бумерангом. Пятна и полосы копоти на его лице выгодно дополняли этот образ, вполне способные сойти за боевую раскраску. Разве что гражданский костюм несколько мешал: для полноты картины ученому подошла бы набедренная повязка или, на худой конец, шкура мамонта...

– Что с вами, Леонид Тарасович? – кинулся к нему физик-помор. – Поранились?

– Да нет же, нет! – вопил тот, сунув всем под нос свое «оружие», действительно обладающее такими острыми краями, что при случае могло заменить серп. А массивностью – и молот заодно. – Вот здесь, глядите!

Уклонившись от зазубренного лезвия, походя едва не лишившего его уха, Александр взгляделся в потемневший металл и, не веря себе, прочел вместо каких-нибудь невразумительных иероглифов незнакомой письменности сакраментальное: «...торский Нижегородский завод...»

* * *

– Нет, нет и нет! – поджал губы генерал Ляхов-Приморский, отказавшись даже смотреть на предъявленные Александром «вешдоки». – Я не могу рисковать судьбами Империи, даже если по ту сторону – рай земной со всеми его прелестями.

– Там нет рая, – устало проговорил Бежецкий, покачивая перед собой пальцем на стекле стола ту самую «эпохальную» железяку, теперь тщательно отмытую и аккуратно лишенную чересчур опасных выступов. Один из нескольких десятков фрагментов корпуса, деталей двигателя и остатков «начинки», несущих на себе явные следы принадлежности изделию, сошедшему с конвейера «номерного» завода, расположенного в Нижегородской губернии. – И прелестей особенных нет... Все, как здесь. Похоже, что в точности.

– В точности, говорите? Чего же они тогда сами... Ну, это...

Генерал потерял мысль, машинально придвинул к себе обгоревший с одного края обломок печатной платы, взял протянутую с готовностью Александром лупу и долго шевелил губами, вчитываясь в мельчайший текст фирменного ярлычка.

– И вообще: с чего вы, генерал, взяли, что это обломок чужого летательного аппарата? Может быть, это остатки одной из тех ракет, которой мои мальчишки сбили этот ваш вражеский зонд? Насколько я знаю, «Стрелы» под завязку напичканы электроникой, да и производят их на том же заводе...

– Ну, конечно, – саркастически заметил Бежецкий. – Если только ваши мальчишки, как вы выражаетесь, наряду со штатными «Стрелами» пуляют по целям крылатыми ракетами.

– Крылатыми? Из чего это следует?

– Из того, что вот эта и эта детали, – Александр осторожно положил рядышком два покоренных куска металла, – применяются только на крылатых ракетах воздушного базирования Бэ-Эр-семнадцать-пятьдесят восемь-Эс, – отчеканил он без запинки заученную наизусть маркировку «изделия».

– На «Сулицах»? Бред... Но позвольте! – встрепенулся старик. – Вам известно, Александр Павлович, что все это, – он широким жестом обвел стены сборно-щитового домика, – лет тридцать тому назад прилегало к военному аэродрому? Почему один из бомбардировщиков при полете не мог потерять или сбросить неисправную ракету? Такие случаи нередки. Вот, помню однажды...

– Аэродром не эксплуатировался двадцать шесть лет, – не слишком почтительно перебил Бежецкий собеседника, не дав тому окунуться в воспоминания. – А ракета выпущена три года назад – взгляните сами.

– Верно... Стоп! Но ведь «Сулица» специально предназначена для доставки ядерного заряда на расстояние до восьмисот километров! Вы хотите, чтобы я позволил летать над мирными городами ракетам с ядерной боеголовкой?

– Не было там боеголовки. Никогда не было. Приборы не зафиксировали даже малейшей остаточной радиации. Ну, кроме естественной... Вместо заряда в отсеке были смонтированы приборы. Мои специалисты нашли детали видеокамеры, устройства для отбора проб воздуха...

– Тем более. Чужой аппарат с неизвестными целями совершает воздушную разведку над вверенной мне территорией, – упрямо твердил генерал от авиации. – А я буду благостно хлопать ушами? Ни в коем случае! Приказ об уничтожении любого предмета с той стороны отменен не будет! Пусть даже им окажется невинная птица.

– Птицы на такой высоте не летают, – заметил Бежецкий, поднимаясь из-за стола и сгребая принесенный с собой «хлам» в пластиковую коробку.

– Вот и замечательно. Значит, любой нарушитель – враг! Я больше вас не задерживаю, господин Бежецкий. Приятно было побеседовать...

– Аналогично, – вежливо кивнул Александр, пристраивая тяжелую коробку под мышку. – Однако я вынужден буду обратиться к более высокой инстанции.

– К военному министру? – поднял лохматую седую бровь старый вояка. – Напрасный труд, знаете ли... Сергей Алексеевич тоже очень ответственный человек и ни за что не поступит безопасностью государства Российского...

– Берите выше, – хладнокровно заметил Александр. – Я вашему министру не подчиняюсь. Ни прямо, ни косвенно.

– К премьеру?.. – нахмурился Ляхов-Приморский, задумался и вдруг резко переменял тон, словно что-то вспомнив. – А куда это вы собрались, батенька? – рассыпался он добродушным смешком. – Я уже велел чайку подать... Экие вы, молодые, прыткие, да быстрые...

– От чая не откажусь, – легко согласился шеф Шестого отделения, усаживаясь на прежнее место. – Так что вы там говорили про своих летчиков?..

5

Маргарита вошла в холостяцкое жилище Бежецкого без стука и так тихо, что тот не успел убрать со стола бутылку.

– Браво! Прекрасное времяпровождение для боевого офицера!

– Много вы понимаете... – буркнул Александр, с отвращением глядя на недопитый стакан, небрежно разделанную прямо на куске оберточной пленки селедку и хлебные крошки: теперь в присутствии дамы этот еще недавно совсем невинный натюрморт казался настоящим свинством. – И вообще – я в данный момент не на службе. Имею я право на минуту отдыха?

– Вы не правы, Александр, – улыбнулась баронесса и присела за неимением другого стула на постель, слава богу, заправленную в соответствии с лучшими образцами казарменного искусства. – Мы с вами всегда на службе...

– А если бы я в этот момент был бы... как бы это выразиться... неглиже?

– Увы, и этим вы меня не удивили бы: с особенностями вашей анатомии, ротмистр, я знакома. И не понаслышке, уверяю вас.

Ответить на это было нечего...

– Вы не угостите даму? – кокетливо склонила набок голову начальница, и Бежецкий в очередной раз подумал о том, что будь он на месте близнеца...

– Увы, только водка. Знал бы – припас что-нибудь более подходящее по случаю... Будете?

– Эх, Саша, Саша... – покачала головой баронесса, думая о чем-то своем. – Какой вы все-таки мальчик... Наливайте.

«Блин, а стакан-то у меня чистый найдется?..»

– Ну и по какому поводу траур? – поинтересовалась Маргарита, пригубив из налитого на четверть граненого стакана и не глядя на Александра. Казалось, что она всецело увлечена наблюдением за жидкостью, омывающей стенки сосуда, который как бы сам собой покачивался в ее изящных ладонях, словно исполняя плавный менуэт.

– А то вы не знаете...

Поводов для хандры было более чем достаточно – взять хотя бы исследовательские аппараты, которые «портал» исправно заглатывал один за другим, ничего не отдавая обратно. «Ледяной» был более щедр: там зонды иногда пусть со стертой памятью, но удавалось вытянуть наружу. Здесь же игра шла в одни ворота, в прямом и переносном смысле, а «проигрышный» счет неумолимо рос.

Лишившись семи зондов подряд, Александр приказал прекратить «бесполезное разбазаривание казенного имущества» и посоветовал «научникам» искать другой менее обременительный для казны способ разбивать лоб о стену. Однако не бумажные же самолетики в «бездонную дыру» запускать? Наука топталась на месте, время от времени исторгая из глубин академического сознания сумасшедшие перлы вроде того, что нужно закрепить камеру на крыле истребителя и, подлетев вплотную к «воротам», чиркнуть по «горизонту», чтобы на какое-то время крыло оказалось по ту сторону. Будто начисто смыло им память о том, как вместо некоторых «ледяных» зондов на «свою» сторону извлекали лишь обрезанные тросы. Да так чисто обрезанные, что все только диву давались. Кто-то из ученых умов выдвигал гипотезу о неравномерном течении времени на «границе сред» и что, мол, именно из-за этого эффекта невозможно прохождение электромагнитных импульсов... Однако хорошо бы выглядел истребитель, кувыркающийся к земле со срезанным под корень крылом!

– Вы из-за зондов? Бросьте! Материальное обеспечение всей нашей гоп-компании отнюдь не входит в число ваших задач. А каким образом я добуду нужное, уж точно не должно вас волновать.

– Еще десяток «Стрижей»? – саркастически скривил губы Бежецкий.

– Да хоть пять десятков. А будет нужно – сотню.

«Да, она добудет... – не мог не согласиться с такой небрежной уверенностью начальницы Александр. – „Железная леди“ – ни добавить, ни убавить...»

– Не в этом дело... – ответил он вслух.

– А в чем?

Маргарита залпом выпила водку, стукнула доньшком стакана о стол и, одернув юбку, закинула ногу за ногу. Мужчина не мог оторвать взгляда от ее круглого колена, туго обтянутого тканью. Молчание затягивалось.

– Хотите начистоту? – брякнул он неожиданно для себя и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Ерундой мы тут занимаемся – вот что.

– Ну-ну, – поощрила его женщина. – Развейте свою мысль... ротмистр.

– Ясно, как божий день, что аппараты на той стороне пропадают по самой прозаической причине: их там сбивают. Сбивают, как наши летчики сбивали бы любую штуковину, которая показалась бы с той стороны.

– И на чем базируется ваша уверенность?

Бежецкий пожал плечами:

– Да хотя бы на тех покойниках, которые прилетели к нам на разбившемся «Святогоре». Такие же двойники, как...

– Как вы и полковник Бежецкий?

– Да... Там, по ту сторону, все точно такое же, как здесь. И вполне возможно, что тамошняя баронесса фон Штайнберг сидит сейчас с тамошним ротмистром Воиновым и банальнейшим образом трескает водку. Пардон, конечно...

– Ничего, ничего... Ну и?

– Что «ну и»? И точно так же они рассуждают на тему «есть ли жизнь на Марсе».

– Поясните.

– Разве не помните? «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе...» Ах, да, – спохватился Бежецкий. – У вас же здесь не было «Карнавальной ночи»...

– Это опять что-то из прошлой жизни? Можете не отвечать – вопрос риторический. Ну и почему тогда они, по вашему, не бомбардируют нас своими «Стрижами»?

– Разные могут быть варианты... Но вы же видели, Маргарита, что пассажиры «Святогора»...

Александр минут пять горячо и сбивчиво излагал баронессе свои умозаключения, не обращая внимания на ее странный, как бы обращенный в глубь себя, взгляд.

– Короче говоря, я вижу лишь один вариант, – закончил он. – Нужно отправить туда человека.

– Как?

– Элементарно. К примеру, «Сапсан» для этого финта вполне подойдет.

– Ну а если и он будет сбит по ту сторону?

– Вряд ли. Оповестительные знаки, модель самолета... Система опознавания «свой—чужой», наконец.

– Знаете, – задумалась баронесса, – а ведь в ваших словах, Саша, есть рациональное зерно. Я имею в виду систему опознавания. Вполне вероятно, что нижегородцы, видя исследовательскую направленность изделий, не позаботились снабдить свои игрушки подобным паролем... Ведь на «Стрижи» даже не нанесены опознавательные знаки российских ВВС, как на те же «Сулицы». Я проконсультируюсь.

Только тут Александр вспомнил, что совсем не обратил внимания на внешний вид зондов, значительно отличающихся по окраске от своих военных собратьев. Например, тем, что покрыты те были краской, делающей их практически неразличимыми визуально, да и на большинстве радаров, исключая родные, российских военно-воздушных сил, а «мирные» краси-

лись в нейтральный темно-серый цвет, почему-то избранный конструкторами завода как наиболее подходящий к случаю. И уж красно-сине-белые концентрические окружности наносить на них явно посчитали ненужным. Равно как и тратиться на дорогостоящие «лишние» системы.

«Экономисты хреновы!» – мысленно ругнулся бывший майор ВДВ на ни в чем не повинных инженеров, педантично решивших поставленную перед ними конкретную задачу, но ни на йоту не превысивших требуемого уровня.

Увы, уж он-то отлично знал, что инициатива всегда наказуема. И неважно, кто и в каком мире эту прописную истину излагает...

– Но все равно это слишком рискованно, – с сожалением вздохнула женщина. – Вот вы бы отправили кого-нибудь из своих подчиненных на верную смерть, ротмистр?

– Вообще-то это мне уже приходилось делать, – хмыкнул Бежецкий. – В прошлой жизни. Я ведь офицер, мадам. Боевой офицер, замечу, не паркетный... Но тут вы правы: сегодняшних моих подчиненных отправить на смерть я бы не смог. Совесть бы потом замучила. Но...

Женщина чуть склонила голову набок и заинтересованно приподняла тонкую бровь, став на миг настолько привлекательной, что у мужчины свело скулы от мгновенно нахлынувшего желания.

«Эх, близнец, близнец...»

– Но я мог бы пойти сам.

– В самом деле? – округлила глаза Маргарита. – Хотя, вы это уже тоже доказали на своем примере... Снова рассчитываете на орден?

Александр промолчал, глядя в сторону. Что можно ответить на это? Мужчине, конечно, ответить, наверное, можно, но даме...

– Не обижайтесь, ротмистр. – Баронесса поднялась на ноги и сделала шаг к сидящему мужчине. – Я вас провоцировала.

Он поднял на нее глаза. И она, чуть наклонив голову, смотрела на него. Их лица были рядом, и он ясно чувствовал тонкий аромат ее кожи, исходящий из маячившего прямо перед его глазами выреза блузки. Он внезапно понял, что безумно хочет эту женщину, воделеет ее по-звериному. Она, словно уловив его настроение, чуть заметно вздохнула и, чуть приоткрыв губы, склонила лицо ниже... Мгновение и...

И очарование рассеялось.

– Спокойной ночи, ротмистр! – рассмеялась женщина, снова становясь чужой и недостижимой. – Я обдумаю ваши слова на досуге.

Дверь за ней захлопнулась, а Александр сидел еще некоторое время без движения, не понимая, кто он и что тут делает. Недопитая бутылка водки попала под его блуждающий взгляд, и, не сознавая, что делает, он схватил ее и яростно метнул в стену. Отрезвили его лишь брызги на лице и неожиданная боль, обжегшая щеку.

– Какая она все-таки стерва! – с выражением произнес ротмистр Воинов, разглядывая кровь из глубокого пореза на скуле, струящуюся по пальцам. – Какая стерва!..

* * *

– Нет, мадам, это невозможно!

Задрав головы, баронесса и старый летчик стояли невдалеке от взлетной полосы и следили, как неуклюже заходит на посадку «летающая парта» – истребитель-спарка, которым, по логике вещей, сейчас должен был управлять ротмистр Воинов.

– Почему, Тихон Ильич?

– Невозможно, – упрямо повторил полковник Левченко, качая большелобой головой, с которой форменная фуражка не падала, только удерживаемая могучей крестьянской пятерней. – Даже во времена последнего тихоокеанского кризиса, когда мы вынуждены были сокра-

тить сроки летной подготовки молодых пилотов до минимума, они налетывали по пятьдесят часов. А это, мадам, уже близко к критическому уровню. Я не могу позволить этому... как его?

– Ротмистр Воинов, – с готовностью подсказала фон Штайнберг.

– Вот-вот, Воинов... Я не могу позволить ему самостоятельно сесть в пилотское кресло всего лишь после пяти часов в воздухе. Это абсурд, мадам!

За время этого разговора «Сапсан», выпустив шасси и задрав нос, не слишком грациозно плюхнулся на левое колесо, опасно накренился, но все-таки выправился и стремительно покатился по старому растрескавшемуся бетону, постепенно оседая на амортизаторах всем своим многотонным телом, замедляя ход и трепеща куполом парашюта экстренного торможения.

– Видите? – развел длинными руками Левченко. – Разве это посадка? Это черт знает что, только не посадка! Это балет, менуэт, гопак, в конце концов... Еще что-нибудь подобное, но только не посадка!

– Но он же сел? – осторожно заметила Маргарита, несколько сторонясь разбушевавшегося полковника, рубящего ладонью воздух не хуже кавалериста в атаке.

– Да, сел... Но это же не посадка! Если бы крен составил еще пару градусов...

– Но он же сел?

Тихон Ильич еще раз яростно махнул рукой и повернулся к самолету, медленно выходящему по направлению к не очень гармоничной парочке – мужчина едва ли не на две головы возвышался над дамой.

– Кто вас учил, молодой человек? – напустился он на Александра, уже приоткрывшего фонарь кабины и расстегивающего гермошлем. – А-а-а!.. Что бы вы делали, если бы у вас за спиной не сидел опытный пилот? Вас бы сейчас пришлось соскребать со взлетки! Да бог с вашей жизнью – вы бы угробили машину, а она...

– Между прочим, – выглянул из своей кабины уже освободившийся от шлема огненно-рыжий пилот-инструктор. – Александр Павлович сажал самолет абсолютно самостоятельно.

– Вот видите? – тронула все еще кипевшего полковника за рукав темно-серого кителя баронесса.

Но Левченко даже не удостоил ее вниманием и напустился уже на своего подчиненного:

– Вы что, Вайсберг, адвокат? Я понимаю, конечно, что вы всю свою жизнь жалеете о загубленной юридической карьере, фамильному делу, так сказать, но сейчас...

– Господин полковник!..

– Молчите, адвокат недоношенный! Сейчас вы пилот Российских Императорских Военно-Воздушных Сил! Извольте рассуждать не как местечковая знаменитость, а как боевой офицер!

– Так точно, ваше превосходительство!

– Так-то лучше... – несколько остыл полковник. – Как вы считаете... Ну, это... Можно доверить этому с-с-с...

Маргарита яростно дернула расходившегося летуна за рукав, тот оборвал себя на полуслове, коротко взглянул в глаза Бежецкому и закончил:

– ...этому стажеру самостоятельный полет?

– Я УВЕРЕН, – выделил несколько обиженный генеалогическими изысканиями командира пилот последнее слово, – что можно. Разумеется, – добавил он дипломатично, – часика два я бы еще за ним поприглядывал. В плане захода на посадку и особенно – касания полосы.

Полковник почти минуту гонял по щекам мощные желваки, потом беспомощно оглянулся на непроницаемую баронессу, зачем-то глянул из-под ладони на солнце и, в заключение всех этих эволюций, буркнул:

– Если уверены – приглядывайте...

И, не прощаясь, зашагал прочь.

– Вот видите?.. – улыбнулся пилот Маргарите, но в этот момент отошедший уже на приличное расстояние Левченко обернулся:

– Только не на «Сапсане». Он, как вам известно, денег стоит. Вон – на той птичке посадку отрабатывайте! – Полковничий палец указывал на легкий тренировочный самолет, на фоне боевого истребителя выглядевший действительно неубедительно. – Низенько-низенько!..

Он победно заржал и, заложив руки за спину, неторопливо удалился.

– Ну что поделаться... – развел руками пилот, расстегивая воротник комбинезона и нервно крутя длинной тонкой шеей. – Помучаем «пташку»...

– А разве?.. – начал Александр.

– Да вы не смотрите, ротмистр, что это стрекоза натуральная! – успокоил его Вайсберг. – Управление у нее точно такое же. А «Сапсан»... Знаете ли, полковник грубиян, конечно, слов нет, но он прав. Перехватчик – машина тяжелая и таких вольностей, какую вы продемонстрировали сегодня, очень не любит. Хороши бы мы с вами были, подломись стойка шасси на самом деле, а!

Пилот хлопнул Бежецкого по плечу, церемонно поклонился баронессе и, что-то весело насмешливая, полез обратно в кабину, уже ни на что более не обращая внимания...

* * *

Перламутрово-серый гигантский ромб, парящий в огромной высоте над землей, притягивал взгляд...

– Второй, второй! Как слышите? – голос Левченко в наушниках звучал неожиданно узнаваемо, словно не существовало неизменных в «портальной зоне» помех, иногда превращающих сеанс связи в «испорченный телефон».

– Слышу вас отлично! – ответил Александр, отрываясь от гипнотического зрелища.

– Хорошо, второй! Ваши действия?

– Согласно боевому заданию.

– Выполняйте.

В «боевое задание» входили несколько кругов перед «воротами» и... Думать о последнем «ходе» не хотелось и Бежецкий старательно, как его учили, выполнял эволюции, от души надеясь, что пилоты сопровождающего его звена «Сапсанов» сейчас не теряют управления из-за приступов неудержимого хохота. Подумать только: для них, профессионалов неба, он «желторотик» сегодня был «ведущим»!

Серая плоскость снова всплыла в поле зрения и мысли резко сменили направление. Вспомнились лица пилотов «эскорта» перед вылетом. Нет, такие не будут потешаться над неуклюжими виражами коллеги, зная, что через несколько минут тому предстоит нырнуть в «преисподнюю». Первым из людей. Снова первым...

«В любом случае не демонстрировать тамошним, – вспомнились последние наставления полковника, – никакой угрозы. Даже если вас возьмут на прицел и приборы на это отреагируют. Правда, вам все равно нечем им ответить, но даже и не пытайтесь... И уходить обратно – боже упаси! Бежишь – значит, совесть нечиста. Если очередями из пушек укажут направление движения – подчиняйтесь! Если будут вести огонь на поражение – приборы и это покажут, вы же знаете – лучше сразу катапультируйтесь. Вряд ли тамошние пилоты такие звери, что попытаются расстрелять пилота, спускающегося на парашюте. Если вы правы, то неписанный кодекс чести... Черт! Может быть, одна ваша непревзойденная манера пилотирования, ротмистр, сыграет вам на руку...»

Манера... Какая там манера. Мальчишка, учащийся кататься на велосипеде, наверное, выглядит лучше на своем шатающемся и вихляющем из стороны в сторону двухколесном насе-

сте. Главное, не сорваться в штопор по эту сторону – тогда уж лучше забыть про все инструкции и даже не думать о катапульте.

Александр представил, как его, опустившегося на парашюте в степи, находят солдаты наземной поддержки и на вездеходе хмуро везут мимо догорающих обломков некогда гордого небесного хищника в штаб. Ледяные глаза Маргариты, позор, позор, позор... Лучше уж, чтобы ярко-красной скобы не существовало вообще.

– Второй! Как слышите!

– Слышу хорошо, первый.

– Вы готовы, второй?

– Так точно.

– До встречи, вто...

Окончание фразы смял яростный скрежет в наушниках, и, честное слово, Александр в этот момент был благодарен неожиданному всплеску бушующей вокруг невидимой стихии.

«Долгие провода – лишние слезы...»

Легко шевельнув рукой, он нацелил послушную машину прямо в центр стремительно растущего ромба, занявшего уже все поле зрения. В наушниках хрипело и трещало, порой выбрасывая обрывки слов или разряды, напоминающие что-то осмысленное. Пару раз Бежецкому почудилось, что он различил голос Маргариты, но, скорее всего, это было лишь обманом слуха.

«Долгие провода – лишние слезы...»

Строчка цифр в углу экрана стремительно сокращалась, и глаз уже не успевал выхватывать отдельные изменения. Серая, окантованная красным плоскость казалась огромной пастью доисторической рептилии, готовой пожрать смелую букашку без остатка. Александр чувствовал, как мышцы его против воли цепенеют. Казалось, что никакая сила в мире не сможет заставить его шевельнуться.

Смельчак... Разве существуют на свете люди, которые не вообще чувствуют страха? Страх – наша расплата за когда-то подаренную нам кем-то всемогущим искру разума...

Еще мгновение...

И мир перестал существовать, растворившись без остатка в перламутровом мареве.

Сибирь, за год до описываемых событий

– Приветствую вас, господа, – начал Александр. – Сегодня нам с вами предстоит не слишком уж сложное дело...

По шеренге пронесся ропот, и Бежецкий знал его причину.

Неизвестно каким образом, но десантники уже знали, что им предстоит не простая выброска куда-то, пусть и в очень сложные, даже неожиданные условия. То ли проговорился кто-то из «научников», которых практически невозможно было приучить держать язык за зубами, то ли сами отметили (а дурачков среди них не было) несоответствие между плавающей от жары летней тайгой и зимними «доспехами». Поэтому бойцы готовились к подвигу, а его, ротмистра Воинова, слова сбили их с толку.

– Да, – чуть улыбнулся он. – Сегодня мы выходим на прогулку. Дело плевое: пройти через ворота, составить план местности, лежащей за ними, взять образцы грунта, воздуха, по возможности – флоры и фауны, да транспортировать сюда несколько аппаратов, находящихся там. Только и всего... Да, чуть не забыл: все это снять на камеру и постараться вернуться обратно. Живыми. Опять-таки по возможности. На все про все – два часа. У меня все. Есть вопросы?

Вопрос был задан для проформы, поскольку время поджимало, но вопрошающий все равно нашелся.

– У меня вопрос, – прогудел диаконским басом двухметровый (даже с гаком) унтер-офицер Решетов, по своей общей массивности бывший главной огневой мощью отряда: на плечевом кронштейне у него был закреплен «Василиск» – многоцелевой стрелковый комплекс, включающий целый ряд огневых средств от крупнокалиберного пулемета до управляемых противотанковых ракет. Мало было обладать слоновьей силой, чтобы все это таскать на себе – устоять на ногах от отдачи «бортового залпа» мог далеко не каждый. – Что это за ворота такие, что по другую сторону зима, когда у нас здесь лето? И...

– Ну, ну! – поощрил его Бежецкий.

– Ребята интересуются: не на другую ли планету это дорога? Не бывает ведь так, чтобы...

– Хорошо, – прервал его командир, уже весь мокрый в своем жарком костюме и не собирающийся плавать в нем чересчур долго. – Сейчас вы получите ответы на все вопросы, что вас мучают. Агафангел Феодосиевич, – подозвал он мающегося в отдалении академика, – не могли бы вы уделить пару минут и вкратце объяснить бойцам природу того явления, с которым они сегодня столкнутся?

– Охотно! – оживился Николаев-Новоархангельский, ожидание для которого тоже было невыносимым. – Наверняка вам известно, что...

Лекция затянулась чуть ли не на четверть часа, и в конце концов, Александру пришлось прервать увлекшегося ученого – бойцы, разве что не открыв рты, будто дошколята, слушающие волшебную сказку, готовы были внимать рассказчику до бесконечности.

– Время, Агафангел Феодосиевич, – напомнил он. – Сроки определены вами.

– Ах, да! – спохватился тот, мельком взглянув на массивные карманные часы. – К сожалению, ворота нестабильны, и мы можем гарантировать от силы два часа, в течение которых можно будет проходить туда и обратно. Поэтому прошу поторопиться, господа.

– И главное, – вклинился Мендельсон, конечно бывший тут же и ревниво слушавший плавную речь соперника, не имея возможности вмешаться. Среди гладких пассажиров встречались и его, Дмитрия Михайловича, открытия и догадки, но перебивать коллегу по ученому цеху перед посторонними – фи, моветон! – Первым делом обеспечьте транспортировку зондов... Ну, этих штуквин, что найдете на той стороне. На них – наиболее полная информация. Должна быть...

– Бросьте, Дмитрий Михайлович! – напустился на него академик. – Какие там зонды... Это же первый выход, как вы не понимаете! Главное, чтобы они вообще... – запнулся он, едва не сморозив «вернулись».

Поняв, что академики втянулись в привычную для них перепалку, Александр скомандовал своему воинству двигаться к холму, подходить к которому в другое время было строжайше запрещено – там царил одна лишь наука и не было места людям, к числу ее подданных не принадлежащим.

Холма, который полгода назад впервые «вскрыла» экспедиция, было не узнать – от дикой природы там практически ничего не осталось, а сама «высотка» представляла теперь сплошное нагромождение строительных конструкций и аппаратуры, окруженное по периметру тройным кольцом металлической сетки и колючей проволоки, украшенным угрожающими плакатами: «Опасно для жизни!», «Высокое напряжение!» и подобными этому шедеврами агитационного искусства. Прорыва в наш мир «из-за кордона» всяких чудовищ, не говоря уже о разумных существах, никому не хотелось, поэтому заграждения, после того как «Объекту Гамма» был присвоен статус запретной зоны, были возведены в первую очередь – раньше комфортабельного жилья для не слишком привередливых исследователей.

Собственно говоря, тройным кордоном, способным задержать не только «гиперволка», застреленного некогда Тунгусом (он же ротмистр Оорон), но и гораздо более крупных зверюг, равно как и «отсеять» всякую мелочь вплоть до мыши-полевки, защита не ограничивалась. Тройной забор предназначался в основном для ограждения от всяких неприятностей ученых,

плотно здесь обосновавшихся – в паре километров от «ворот» уже стояло несколько сборно-щитовых домиков, ангар, заключавший в себе основную часть аппаратуры, и была выложена из профнастила взлетно-посадочная полоса для самолетов и вертолетов. И там же кипела работа по возведению капитального здания института, основанного немедленно после открытия феномена с целью его детального изучения. Естественно, тут же «закрытого» на все сто процентов и курируемого Корпусом. А еще в пяти километрах дальше лежала главная «линия обороны», охраняемая снаружи солдатами Внутренней Стражи, даже не подозревающими, что за «колючкой» расположена не ракетно-стратегическая база, военный завод или секретный полигон, а самый что ни на есть вход на Тот Свет. Или выход оттуда...

Но и изнутри все было под контролем, поскольку сотрудники ротмистра Воинова имели твердую уверенность, что ученому человеку нельзя доверить сохранность даже собственных очков – непременно потеряют, если не среди бардака, перманентно разводимого на рабочих местах и прилегающей территории, то на собственном лбу. И битый день потом будут разыскивать. Прецеденты имели место. Но если с потерей очков еще можно было смириться с горем пополам, то куда исчезали всякого рода приборы, материалы и даже продукты, начальник хозяйственной части, подчинявшийся напрямую Александру, понять решительно не мог. Не на «ту сторону» же! Хотя этого исключать было нельзя, и в этом он собирался разобраться самым решительным образом, как только представится возможность.

Веренице нагруженных снаряжением бойцов во главе с ротмистром пришлось миновать целых три контрольно-пропускных пункта, где непроницаемые жандармы сверяли проходивших с заложенными в компьютер их «биометрическими слепками» так долго, что даже самые терпеливые, вроде того же гиганта Решетова, начинали нервничать. Да и сам Бежецкий только внешне старался выглядеть невозмутимым, готовый удавить дотошных контролеров. И только мысль, что он сам настоял на подобной проверке, помня историю со лже-Бекбулатовым, позволяла ему сдерживаться.

А вот беднягу Федорова, ковылявшего за своими бойцами, отсеяли на первом же рубеже – в списках допущенных в святая святых он сегодня не значился. И пришлось штаб-ротмистру грустно наблюдать за удаляющимися товарищами, проклиная тот день и час, когда он поддался на уговоры проклятого Воинова «сходить на рыбалку»...

Наконец все преграды оказались позади, и от чужого мира, куда еще не ступала нога человека, десантников отделял лишь недлинный коридор с гремящим под подошвами полом из рифленого металла (для удобства скатывания в «ворота» зондов) и...

– Тут же тупик! – недоуменно обернулся к остальным балагур Шермет, в «прошлой жизни» прошедший со своей пластунской ротой не один конфликт на всех континентах Земли и, по его словам, бывавший даже «у черта в заднице». – Куда дальше-то?

Десантники загудели. Как все могли убедиться, коридор упирался в ровную каменную стену, монолитную даже на вид. Да к тому же вызывающую законное недоверие: в полутьме коридора было хорошо заметно, как время от времени по бугристому, изъезженному временем камню пробегают чуть заметные змейки голубоватого свечения вроде электрических разрядов.

– Не, братцы! – безапелляционно заявил вахмистр Лежнев после внимательного изучения пляшущих по камню электрических «чертиков». – Я вам не монтер какой! С детства электричество это недолюбиваю! А ну как шандарахнет? Может, там тыща вольт! Я вот слыхал, в Америке мазуриков всяких на электрическом стуле казнят! Не, православные, я туда не полезу!

Остальные, судя по репликам, были с ним согласны. Поэтому ситуацию необходимо было брать в свои руки.

– Отойти от коридора! – скомандовал ротмистр Воинов и с грохотом прошагал мимо напряженно молчащих солдат в «тупик». – Пойдете прямо за мной, Лежнев, – обернулся он к «электрофобу». – Не слышу ответа.

– Так точно! – браво прищелкнул каблуками вахмистр, и в бледно-голубых медвежьих его глазках мелькнуло уважение.

– Пристегните к поясу трос, – протянул ему бобину с прочным и легким нейлоновым линем Александр.

Солдат подчинился беспрекословно, передав трос стоящему позади него Решетову, сосредоточенно пощелкивающему тумблерами своего «Василиска» и крутящему головой, лоя в виртуальный прицел ту или иную «мишень»: одиноко стоящую сосну, со странно-рыжей, словно опаленной хвоей, угол бетонного пакгауза, замершего на своем посту жандарма-контролера... По плану операции они с Лежневым – пулеметчиком отряда – должны были войти первыми и сразу занять оборону, прикрывая идущих за ними товарищей. Командир же должен был «нырнуть» в самом конце, перед тащащим на себе аппаратуру связи Ясным. Но то, что вполне допустимо и понятно для привычного командира, ни в какие ворота не лезло в случае с «засланным казачком» Воиновым-Бежецким. По всему выходило, что он прячется за спины своих временных подчиненных, и Александр легко это дело переиграл, как, бывало, давным-давно, в кажущейся уже чудным сном «прежней жизни», переигрывал не раз. Благо здесь, перед дверью в неизвестность, равно как и перед броском в атаку, он один был и царь, и Бог, и воинский начальник. Все претензии будут к тем, кто вернется. А победителей – не судят... Точно так же как проигравший виноват во всем.

«Вот так и надо, – думал Бежецкий, проверяя в последний раз все, что могло оказаться там, на той стороне, жизненно необходимо. – Ребятам надо дать понять, что есть человек, который отвечает за все и которому они должны подчиняться не думая. До определенных, конечно, пределов – хуже нет командовать безмозглыми дуболомами. Да и не приходилось мне что-то никогда. Все же русский солдат – лучший солдат...»

Он закрыл нос и рот дыхательной маской, сделал для пробы несколько вдохов и опустил забрало шлема. Ватной тишины не наступило: благодаря чувствительным динамикам он слышал все, как на воздухе, даже больше. Чей-то (по голосу – шереметовский) шепоток, например. И хотя солдат шептал что-то вроде: «А ведь ротмистр-то – хват, за таким я пойду...» – пришлось сделать замечание:

– Разговорчики в строю! Делай, как я...

Солдаты завозились, щелкая запорами шлемов, запыхтели, приспособливаясь к непривычному способу дыхания...

– Я иду первым. Все остальное – по плану. За мной – Лежнев и Решетов, потом – с интервалом в две минуты – Степурко и Алинских...

– Ваше благородие, – смущенно пробасил Лежнев. – Может, как договорено было: сперва мы с Егором? Все же черт его там знает... Может, прикрывать придется...

– Отставить! Идем, как я сказал. Вы с Решетовым за мной ровно через сто двадцать секунд. И сразу же отстегиваете трос и занимаете оборону. На меня внимания не обращать. Живой я там, мертвый или с девками вожаюсь, – грубовато пошутил Александр, удовлетворенно слыша смешки и соленые шуточки, которым принялись обмениваться исподтишка подчиненные – верный сигнал, что утраченная было бодрость восстановлена без потерь. – Ваше дело – прикрыть остальных огнем. Если со мной что-то случилось, то командование переходит к поручику Батурину. Вам понятно?

– Так точно...

– Тогда – с Богом...

Бежецкий повернулся к каменному «тупику», бросил взгляд на часы – до «времени Ч» оставалось ровно две минуты, – перекрестился про себя (перекрестился бы и явно – вера давно вошла в плоть его и кровь – но подчиненные...) и, дождавшись, когда на табло высветятся нули, двинулся вперед. За какой-то шаг до каменной тверди захотелось вытянуть вперед руку,

чтобы проверить дорогу, но Александр переборол это желание, большим пальцем снял автомат с предохранителя и разом, всем телом, словно в ледяную воду, подался вперед.

«А ну как действительно забралом о стену! – успел подумать он. – Выдержит ли?..»

И с замиранием сердца ощутил, как, не встречая сопротивления, движется сквозь «каменную толщу», превратившуюся вдруг в неошутимое сплетение синеватых сполохов...

* * *

Лежнев и Решетов вывалились головой вперед в метельную круговорот так энергично, что вахмистр непременно сунулся бы шлемом в наметенный под ногами сугроб, если бы его напарник не сгреб его за шкирку, словно котенка, и не подтолкнул влево.

– Чего ты?.. – начал было ошеломленный невиданным переходом, темнотой, ударившей по глазам, непроницаемо-плотной после яркого дневного света, яростным свистом ветра в ушах и, главное, острым, словно нож, потоком ледяного воздуха, хлынувшего под неплотно прикрытое забралом шлема (Лежнев, не совсем веря в рассказы бородатого, похожего на деревенского батюшку ученого, решил схитрить и не закрыл его наглухо, боясь задохнуться в жаре). – Сдурел?..

Но при виде того, как сноровисто унтер-офицер плюхнулся в снег, укрывшись за каким-то полужансенным пеньком и выставив вперед свою смертоносную игрушку, наставления всплыли в памяти мгновенно. Даже не видя ни зги, в крайнем случае, можно было полыхнуть огнем, и все впереди на двадцать пять метров в секторе сорок пять градусов если не обратилось бы в пепел мгновенно, то потеряло бы воинственные наклонности на всю оставшуюся жизнь..

– Куда, дура! – скрипнуло в наушниках сквозь треск, шорох и свист. – Назад, назад обернись! Спереди я сто восемьдесят прикрою!..

«Чего это он? – опешил Николай. – Сзади ведь...»

Он все-таки обернулся и, не успев закончить мысль, шустро крутанулся на сто восемьдесят градусов назад: никаких «ворот» позади не было, только тьма и тьма до самого горизонта. А на том месте, где они, по его расчету, вывалились «на эту сторону», в полуметре над землей яростно крутилось плотное, ярко-белое даже в темноте, облако пара. Словно из двери жарко натопленной русской бани, распахнутой наружу, в крещенский мороз. Только самой двери не было и в помине.

«Мать честная! – охнул парень, суетливо пытаясь перекреститься непослушной рукой в толстой перчатке: гидроусилители „доспехов“ на такие экзерсисы были не слишком рассчитаны. – Как же мы обратно-то? Вот влипли, так влипли...»

Секунды тянулись медленно, словно резиновые, и, кабы не мигающие на стекле шлема светящиеся цифирки, казалось бы, что время вообще остановилось. Но секунды секундами, а с момента «нырка» прошло уже больше пяти минут, но никого из клубка пара больше не появлялось. Лежнев почувствовал вдруг давно позабытый дискомфорт: медленно, откуда-то из желудка, поднимающуюся волну паники, рождающую металлический привкус во рту, головокружение и некое раздвоение сознания. Казалось, что он одновременно лежит в тонком слое снега на чем-то твердом, словно асфальт, и парит в полутора метрах над собой, холодно и отстраненно следя за собой лежащим.

«Неужели никого больше не будет? – чуть не заорал он, до боли в пальцах вцепившись в стремительно остывающий металл пулемета. – Бросили нас в ледяной пустыне на верную погибель, ироды!!!»

– Слышь, Коля, – снова неузнаваемо хрипнуло в наушниках. – А где командир-то наш? Где ротмистр?

Странное дело, но при звуках знакомого голоса ледяной ужас, почти уже сковавший мозг, дал трещину и рассыпался ворохом сверкающих осколков, выпуская наружу волну огромного, всеобъемлющего облегчения – он не один! Рядом верный надежный товарищ! А вдвоем они ого-го-го! Сила!..

– Уснул что ли?

– Да нет, слышу... – находившийся еще в плену эйфории Николай не удержался от шутки: – Бесы, наверное, утащили твоего Воинова.

– Ты так не шути, – строго заметил Решетов, человек очень набожный и суесловия, особенно на такие вот скользкие темы, не терпевший. – Мы, можно сказать, на том свете очутились, а ты про бесов... Прости Господи мою душу грешную!

– Так, может, тут уже не наш Бог, а какой-то другой всем заправляет, – продолжал зубо-скалить вахмистр, благополучно возвратившийся в привычное состояние духа: на миру – не в одиночку, и смерть красна! А уж чего-чего, а смерти бравый служака не боялся – он и счет потерял, сколько раз под ней ходил. – Магомет, например. Или я, вот, слышал, Будда такой есть...

– Балаболка... – буркнул унтер-офицер. – Как есть – балаболка... Смотри, налижешься в аду раскаленных сковородок за свою болтливость.

– А ты зато непременно в рай попадешь! – никак не мог успокоиться, несмотря на жуть, царящую вокруг, Лежнев. – Потому как...

Но развить свою мысль он не успел, потому что из парного облака вдруг вывалился человек в таком же, как и у него «скафандре», поводя во все стороны стволом автомата.

Один, не двое.

– Э-э, Егор, – начал было солдат, но «выходец с того света» вдруг плюхнулся наземь, перекатился в сторону, укрывшись за факелом пара, и снег возле головы Лежнева брызнул черными колючими фонтанчиками.

– Атас! – успел крикнуть он, но что-то с таким грохотом, что заложило уши, ударило в шлем, солдата плашмя крутануло на скользком, будто мыло «асфальте», и его сознание померкло...

6

– Опять – двадцать пять...

Несомненно, уже можно было утверждать, что пилоты Гжарбиньского достигли поистине ювелирного мастерства: теперь они сбивали «потусторонних посланцев» исключительно при помощи пушек, поэтому бранные останки зондов не приходилось собирать по степи. Сбитые «Сулицы» падали аккуратными «тушками», практически не поврежденными в воздухе. В воздухе...

Увы, даже цельнометаллическая болванка при падении с одиннадцатикилометровой высоты, да столкнувшись с твердым препятствием... Что же говорить о довольно тонком устройстве? К тому же – с баком, заполненным «под завязку» топливом, в ряде случаев превращающимся в мощную взрывчатку.

Одним словом, на складе научно-исследовательского отдела хранилось уже целых шесть ракет в разной степени разрушения. Но сегодняшний случай был особенным...

– А если бы в доме кто-то жил?

На этот раз в роли нашкодивших дошколят выступали уже ученые, а распекал все их «научное сообщество» во главе с генералом Бежецким торжествующий Ляхов-Приморский. И экзекуция происходила на глазах высоких чинов, будто назло прибывших из Санкт-Петербурга, как никогда вовремя, да еще на пепелище одного из домов многострадального Чудымушкино, разрушенного до основания рухнувшим с небес «подарком».

Последний пассаж, естественно, адресовался столичным «гостям», поскольку сам генерал от авиации, конечно же, был в курсе, с какой тщательностью и предупредительностью убивались от греха из «зоны» аборигены, счастливо избежавшие приземления невезучего «Святогора» на их мирные крыши. Знал, но отказать себе в удовольствии «прищучить» «этого выскочку» не мог. И оправдываться сейчас значило еще больше «потерять лицо».

Но расчеты старого вояки не оправдались.

– Позвольте, – внезапно пришел на выручку «виноватому» один из приезжих – невысокий мужчина лет пятидесяти в неброском на первый взгляд гражданском костюме, к сожалению, лично Александру не известный, но почему-то очень-очень знакомый внешне. Или похожий на кого-то очень-очень знакомого. – А разве все мирное население не было временно удалено из района падения «Святогора»? Я слышал, что эта местность вроде бы объявлена районом специальной войсковой операции на неопределенный срок. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И видимо, был он настолько облечен властью, что грозный триумфатор смешался, забубнил под нос что-то невразумительное, а потом и вовсе замолк.

– Вот видите, – улыбнулся «гражданский», убедившись, что инцидент исчерпан, – каждый исполнил свой долг, никто не пострадал... Считаю, что казна от щедрой компенсации этому селянину не обеднеет... В добавление к уже выплаченным суммам. Ваши соколы, Василий Михайлович, – обратился он к Ляхову-Приморскому, – заслуживают всяческого поощрения. Я лично буду просить Николая Александровича о награждении и повышении в чинах особенно отличившихся.

«Блин! – мысленно хлопнул себя по лбу Бежецкий. – Да это же сам Георгий Петрович!..»

Дядю Государя, сводного брата его батюшки Александра Петровича, императорским указом возвращенного из почетной ссылки при российском посольстве в Нью-Йорке, действительно узнать было мудрено. Уж очень он не походил на виденные в свое время Александром портреты. Возможно, потому, что на них представал минимум на десять лет моложе. И эти десять лет, конечно же, не прошли даром...

Бежецкий припомнил бродящие по Санкт-Петербургу смутные слухи на тему, что «свято место – пусто не бывает» и стоило престолу избавиться от одного фаворита, как на смену ему появился новый. И уж этот-то начнет заворачивать гайки, благо всем памятен краткий период, когда они с братцем... И уж последнему-то он не верил вообще. Наоборот, из известных ему фактов следовало, что именно князь Харбинский не давал в свое время развернуться вовсю чрезмерно деятельной натуре покойного Александра IV, служил тем надежным тормозом, благодаря которому Империя не ринулась по кривой и ухабистой колее, ведущей в пропасть. А ведь тормоз, как ни крути, самая главная деталь любого движущегося агрегата. Хотя не все и не всегда это понимают в должной мере.

Жаль, что, когда пришло время, как и всегда в таких случаях, ему пришлось платить по чужим счетам и отвечать за чужие грехи...

Пока генерал предавался воспоминаниям, августейший инспектор уже успел окончательно очаровать и обезоружить всех без исключения.

– А-а-а! – изволил он заметить Бежецкого. – Если не ошибаюсь, Александр Павлович!

– Так точно, ваша светлость, – с достоинством склонил голову Александр, помня, что до «высочества» тот формально не дотягивает. Тем более до «императорского». К сожалению, конечно, поскольку этот титул подошел бы ему больше, чем большинству остальных.

– Вы не будете возражать, господин генерал, если, отпустив всех этих достойных людей, – он окинул собравшихся, бывших уже не непримиримыми врагами, а добрыми друзьями, своим фамильным «романовским» взглядом и обезоруживающе улыбнулся, – мы с вами немножко прогуляемся? Вы ничего не имеете против, Василий Михайлович?

– Никак нет! – браво, по-фельдфебельски, ответил генерал от авиации, разве что не прищелкнув каблуками.

Стоя плечом к плечу с Бежецким, Георгий Петрович подождал, пока все, включая его свиту и телохранителей, погрузятся в многочисленные автомобили и отбудут, а потом, не чинясь, протянул узкую, но крепкую и теплую ладонь:

– Будем знакомы, Александр Павлович. Много о вас слышан.

– Я тоже, – осторожно пожал Бежецкий руку одного из ближайших родственников Его Величества.

– Да-а-а?... Надеюсь, не слишком много ужасного обо мне болтают? Курите, Александр Павлович, – щелкнул князь крышкой аккуратного, без излишеств, портсигара – очень похоже, что платинового.

– Охотно...

И двое мужчин медленно побрели по пробуждающейся степи, окутанные ароматным дымком...

* * *

– Ну что же... – Георгий Петрович оторвался от чтения последней страницы, положил выкуренную на треть сигарету на край массивной пепельницы и следил, как медленно растет столбик пепла. – Я готов признать, что ваши объяснения меня полностью удовлетворили, – промолвил он, когда хрупкий стерженок обломился и бесшумно упал на дно, рассыпавшись в такую же тонкую пыль, что устилала его толстым слоем.

Александр, с замиранием сердца ожидавший вердикта, боялся пошевелиться. Отставки он, конечно, не боялся: давно прошли те времена, когда опальных вельмож и чиновный люд ссылали в разные медвежьи углы или поступали того круче... Просто кому хочется получить пощечину, пусть и виртуальную, слушать приглушенные шепотки за спиной, ловить украдкой бросаемые взгляды...

– Скажу больше, – продолжил посланник императора, не дождавшись ответной реплики. – Ни я, ни тем более Его Величество никогда не сомневались в вашей, генерал, преданности Престолу и Отечеству, готовности жизнь положить ради его процветания...

– Я... – открыл рот Бежецкий, но князь мягко его перебил:

– Позвольте, я закончу, Александр Павлович.

– Конечно...

– Вы знаете, наверное, что я, по счастью, избавлен от предрассудков, присущих высшему свету, – улыбнулся Георгий Петрович. – Нашему высшему свету. Преимущества детства, проведенного вдали от двора, сравнительно вольное воспитание... Я слушал лекции в Гейдельберге, посещал Сорбонну... Понимаю, что это не слишком патриотично, но некий студент Романофф был замечен и в Кембридже... Так вот, я отвлекся, – перебил он сам себя. – Не хочу прослыть болтуном, разносящим слухи, но господин Ляхов имеет довольно влиятельных союзников наверху. Да-да, на самом верху. И когда поднятый этой весьма влиятельной когортой шум достиг ушей Его Величества, он просто не мог не отреагировать.

Сердце Александра упало.

– Еще год назад не нужно было слыть провидцем, чтобы предсказать, чем бы все это закончилось... Но, слава богу, теперь не прошлый год. Короче говоря...

Посланец Императора поднялся на ноги и прошелся по комнате, задумчиво кивая чему-то известному ему одному.

– Короче говоря, можете считать себя полновластным хозяином всей территории, заключенной внутри ограждения, возведенного по вашему же указанию. Я бы, мой друг, – изволил он пошутить, – на вашем месте проявил бы недюжинный аппетит и перенес колючую проволоку еще на десяток-другой верст по всем направлениям! Чем не достойная замена германскому княжеству, от которого вы столь опрометчиво отказались в свое время! Отныне и до того момента, когда в этом отпадет необходимость, вы вольны творить в своей вотчине все, что вам только заблагорассудится.

– А...

– А подопечным его высокопревосходительства и всех остальных внутри границ вашего «государства» отводится лишь сугубо наблюдательная функция. Непокорных же вассалов вы вольны карать и миловать самостоятельно... Вы что-то хотите спросить?

– А вне границ?

– Вне границ – все по-прежнему, – развел руками князь Харбинский. – Безопасность государства страдать не должна ни в коем случае.

– Естественно, – машинально согласился Александр. – Но...

– Вы имеете в виду верхнюю границу вашего, так сказать, суверенитета? – прищурился Георгий Петрович. – Да хоть до орбиты! Но не более! – шутливо погрозил он пальцем. – А то знаю я вас, военных: сразу заявите права на небесные светила!

Оба мужчины расхохотались, довольные друг другом.

– А теперь, – заговорщически оглянулся дядя императора, хотя в комнате кроме него и Бежецкого никого не было и быть не могло. – Поведайте-ка мне, как на духу, Александр Павлович: каково оно там – на Том Свете?..

* * *

– Конечно, генерал Бежецкий не самый худший из начальников, – поручик Кузнецов знал, что на земле его слышат, но всем своим видом давал понять, что ему на это наплевать. – Только по мне, так лучше уж подчиняться своему...

– Согласен, Кузнец! – послышалось в наушниках. – Лучше свой сукин сын, чем чужой.

– Второй, третий! – вмешалась далекая земля чуть искаженным помехами голосом полковника Гжарбиньского, которому, собственно, и адресовался диалог. – Прекратите засорять эфир!

– Не понял, земля, повторите, – продолжал придуливаться поручик, зная норы командира.

– Довольно молотить языком, Кузнецов! – рявкнуло в динамиках. – Пся крив!..

– Так точно, земля, – прекратить молотить языком!

– Лайдак... – Гжарбиньский отключился.

По совести, после формальной передачи второй эскадрильи авиаполка под непосредственное командование Бежецкого ничего не изменилось. Точно так же тройки «Сапсанов» сменяли друг друга, без усталости барражируя вокруг замершего в поднебесье окна в чужой мир. Точно так же вечерами свободные от вахты пилоты сходились в «офицерском собрании». Точно так же флиртовали с «научными» дамами, обыгрывали ученых на бильярде, опрокидывали рюмку-другую после ухода командиров... Разве что пролегла между «летунами» и «пресмыкающимися» какая-то трещинка, которую обе стороны изо всех сил старались не замечать. Но она висела над всеми, словно знаменитый дамоклов меч или та самая пресловутая «дыра в никуда», зиявшая в поднебесье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.